Public Disclosure Authorized
Public Disclosure Authorized
Public Disclosure Authorized
Public Disclosure Authorized

99487

В поисках нового «серебряного века» в России:
факторы и последствия старения населения

Обзорный доклад

ВСЕМИРНЫЙ БАНК
МБРР • МАР | ГРУППА ВСЕМИРНОГО БАНКА

В поисках нового «серебряного века» в России: факторы и последствия старения населения

Обзорный доклад

ВСЕМИРНЫЙ БАНК
МБРР • МАР | ГРУППА ВСЕМИРНОГО БАНКА

Содержание

Выражение признательности 4
Список сокращений 6
Краткое содержание 7
1. Макроэкономические последствия старения 11
2. Воздействие старения населения на сбережения населения 21
3. Бюджетные последствия старения населения 25
4. Старение населения и меры политики по поддержке семей 31
5. Поддержка активной старости 38
6. Роль образования взрослых 46
7. Заключение 52
Библиография 53

Вставки

1. Эконометрическая оценка влияния старения населения на экономический рост 12
2. Модель анализа факторов роста ВВП 17
3. Корректирование данных обследований домохозяйств с целью более точного отражения роли пенсий 21
4. Сценарный анализ 25

Рисунки

1. Принципы государственной политики по обеспечению здорового, активного и процветающего долголетия 10
2. Уровень экономической активности, Россия и референтные страны, 2012 г. 11
3. Динамика уровня экономической активности в России, 2003–13 гг. 11
4. Население трудоспособного возраста в России, бедные и богатые регионы, 1996–2011 гг. 13
5. Рабочая сила в России, по возрастным группам 2010-е–2040-е 14
6. Прогнозные расчеты трудовых ресурсов 19
7. Предельное влияние политики занятости на рост 20
8. Относительное влияние политики занятости на рост 20
9. Норма сбережений и доход на душу населения с корректировкой на учет пенсий 23
10. Норма сбережений при различных сценариях роста населения и тенденциях, связанных с эффектами когорт, с корректировской на учет пенсий 24
11. Прогнозы доходов в рамках трех сценариев, 2014-50 гг. 27

12. Прогнозы первичных расходов в рамках трех сценариев, 2014-50 гг. 28
13. Показатели бюджетной устойчивости 28
14. Баланс бюджета и траектория накопления долга в базовом сценарии (доверительные интревалы) 29
15. Рождаемость в России, 1946–2013 гг. 31
16. Российские женщины в расцвете репродуктивного возраста в разрезе возрастных групп, 2012-31 гг. 32
17. Распределение семей по количеству детей и коэффициенты рождаемости в отдельных европейских странах, когорты 1965 г. или последних имеющихся лет 32
18. Желаемые и ожидаемые показатели рождаемости среди российских мужчин и женщин, 2012 г. 33
19. Нормы выполнения семейных обязанностей в России 34
20. Показатели ожидаемой и фактической рождаемости с учетом социально-демографических показателей 35
21. Корреляция решений о занятости/выходе на пенсию россиян старшего возраста 39
22. Средний фактический возраст выхода на пенсию в России и странах ОЭСР в разрезе пола, 1997–2012 гг. 41
23. Возможности по повышению уровня занятости населения в России 43
24. Угрозы здоровью россиян в возрасте от 50 до 79 лет 44
25. Разрыв между спросом и предложением навыков по возрастам и уровням образования 47
26. Уровни компетенций по возрастным группам, Россия 47
27. Уровни компетенций по возрастным группам, Польша 47
28. Взрослое население, охваченное формальным и неформальным образованием и обучением, в России и в отдельных сопоставимых странах 49
29. Участие в программах ДПО в разрезе возраста, 2013 г. 49
30. Возрастная структура участников ДПО, 2013 г. 49

Таблицы

B.1.1. Оценка влияния демографических тенденций на рост (5-летние периоды) 12
1. Демографический дивиденд, 1997–2011 гг. 13
2. Влияние демографических изменений на подушевой рост ВВП, 2012–30 гг. 15
3. Среднегодовые темпы роста потенциального ВВП 16
4. Предельное воздействие альтернативных сценариев на отношение долга к ВВП в рамках базового сценария 29
5. Доля работающих пенсионеров в разрезе видов получаемой пенсии, % 42

Выражение признательности

Данный обзорный доклад, подготовленный Биргит Хансл, Викторией Левиной и Уильям Шоу, включает основные выводы и наблюдения из семи научно-исследовательских работ о факторах и последствиях старения населения в России. Эти работы являются результатом сотрудничества экономистов Всемирного банка, работающих в Глобальных практиках социальной защиты и труда, макроэкономики и финансового управления, образования, и бедности, а также российских ученых.

Научно-исследовательские работы были подготовлены нижеследующими авторами:

- **"From Demographic Dividend to Demographic Burden? Regional Trends of Population Aging in Russia"** Михаил Матыцин, Лалита Мурти и Каспар Рихтер;
- **"Fiscal Implications of Aging and Natural Resource Dynamics"** Харун Ондери Фернандо Л. Эрнандес;
- **"Measuring the Effects of Population Aging on Household Savings"** Маурицио Буссоло, Михаил Матыцин, и Симон Рафаэла Шотте;
- **"Demographic Transition of Russia and Its Impact on Long-term Growth"** Алексей Балаев (ЭЭГ), Мария Иванова (ЭЭГ), Илья Прилепский (ЭЭГ) и Сергей Улатов;
- **"Family Policies in Russia: Can They Raise Fertility Rates and Slow Down Population Aging?"** Валерий Елизаров (МГУ) и Виктория Левина при содействии Эмили Синотт, Елены Бесединой, Тами Аритоми, Андреи Атенсио и Ирины Денисовой (ЦЭФИР);
- **"Promoting Active Aging in Russia: Working Longer and More Productively"** Виктория Левина при содействии Ирины Денисовой (ЦЭФИР), Эмили Синотт, Тамары Максимовой (ФГБНУ Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н.А. Семашко), Йоханнеса Кёттла-Бродманн, Гади Сайовичи, Олексия Случинского, и Нитина Умапати;
- **"State of Adult Education in Russia: Ensuring That Older Workers Can Acquire The Skills of The Future"** Сорен Неллеманн, Олег Подольский (ВШЭ) и Виктория Левина при содействии Андрея Подольского (ВШЭ), Кирилла Васильева, Дмитрия Чугунова, Эмили Синотт, и Йоханнеса Кёттла-Бродманн.

Данная работа выполнялась под руководством Михала Рутковски, Директора и Постоянного представителя Всемирного банка в Российской Федерации. Команда авторов выражает благодарность за наставления, поддержку и технический вклад Омару Ариасу, Арупу Банерджи, Роберте Гатти, Эндрю Мейсону, Ане Ревенге, Альберто Родригесу, Каролине Санчез-Парамо и другим членам управленческой команды Глобальной практики по социальной защите и труду, и Глобальной практики по бедности, а также руководящему составу Всемирного банка по Российской Федерации.

Команда благодарит за проницательные комментарии, рекомендации и экспертную оценку Харуна Дого, Жуста де Лаата, Нору Люстиг (Университет Тулейна), Хуана Мануэля Морено, Ану Марию Муноз Будэ, Эдмундо Мурругарра, Филипа О'Кифа, Гонзало Рейеса, Ларса Сондергаарда и Самуэля З. Стоуна (Университет Тулейна). Полезные обсуждения работы были проведены авторами с членами российской команды Всемирного банка, работающими в Глобальных практиках по бедности; по здравоохранению, питанию и населению; по макроэкономике и финансовому управлению; по социальной защите и труду. Презентации научно-исследовательских работ, лежащих в основе данного обзорного доклада, на Гайдаровском форуме-2015 и XVI Апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества ВШЭ дали возможность авторам получить полезные комментарии.

Команда выражает глубокую признательность Анне Суховой за координацию редактирования, перевода и публикации обзорного доклада, Артему Колесникову за помощь в дизайне обложки и Ирине Ростовцевой за непрерывную поддержку на протяжении подготовки работы. Обзор был отредактирован Анной Грант и опубликован alexpublishers.ru.

Список сокращений

EFTA	Европейская зона свободной торговли/ European Free Trade Association (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария)
ESS	Европейское социальное исследование / EuropeanSocialSurvey
PIAAC	Программа международной оценки компетенций взрослого населения/ Programme for the International Assessment of Adult Competencies
PIRLS	Исследование качества чтения и понимания текста/ Progress in International Reading Literacy Study
PISA	Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся / Programme for International Student Assessment
RLMS-HSE	Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ
SAGE	Исследование проблем глобального старения и здоровья взрослых людей / Study on Global AGEing and Adult Health
TFP	совокупная производительность факторов производства (total factor productivity)
UNESCO	United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
UNPD	United Nations Population Division
ВВП	валовой внутренний продукт
ВШЭ	Высшая Школа Экономики
ВОЗ	Всемирная Организация Здравоохранения
ДД	демографический дивиденд
ДПО	дополнительное профессиональное образование
ЕС-11	11 стран-членов Евросоюза (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония)
ЕС-15	15 стран-членов Евросоюза (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Швеция)
ЕЦА	регион Европы и Центральной Азии
ИКТ	информационно-коммуникационные технологии
МВФ	Международный валютный фонд
МГУ	Московский Государственный Университет им.Ломоносова
МОТ	Международная организация труда
ДПО	дополнительное профессиональное образование
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организация экономического развития и сотрудничества
п.п.	процентный пункт
ПРООН	Программа развития Организации Объединенных Наций
СНГ	Содружество Независимых Государств
США	Соединенные Штаты Америки
ФНБ	Фонд национального благосостояния
ЦЭФИР	Центр экономических и финансовых исследований и разработок
ЭЭГ	Экономическая Экспетрная группа

Краткое содержание

В ближайшие несколько десятилетий ожидается существенное старение населения России. Снижение рождаемости, повышение ожидаемой продолжительности жизни, выход на пенсию многочисленного поколения 1950х и снижение численности населения трудоспособного возраста приблизительно на 14% в течение следующих 35 лет – все эти факторы будут способствовать старению населения в России. В отсутствие изменений в уровне экономической активности населения, трудовые ресурсы России могут сократиться более, чем на 20 миллионов работников, а коэффициент демографической нагрузки при этом вырастет более чем на 50%.

Ожидаемое сокращение трудоспособного населения России создает серьезные социально-экономические проблемы, но одновременно оно может открыть новые возможности. Нередко старение населения рассматривается как отрицательный фактор общественного развития, приводящий к снижению инвестиций и производительности, разбалансировке бюджета, чрезмерной нагрузке на молодых, а также к существенному ухудшению состояния здоровья, финансов и удовлетворения жизнью пожилых. Как правило, самые мрачные прогнозы последствий старения населения получаются в результате экстраполяции сегодняшних моделей поведения и институтов на будущее более пожилое общество. Например, значительное увеличение числа пожилых людей, страдающих от онкологических и сердечнососудистых заболеваний, при неизменных возрастных показателях заболеваемости будет непосильной нагрузкой для системы здравоохранения. Точно так же, существенный рост иждивенцев пожилого возраста при неизменном характере сберегательного поведения в течение жизненного цикла и возрасте выхода на пенсию станут непосильным бременем для пенсионной системы. К счастью, люди меняют свое индивидуальное поведение в ответ на демографические изменения. И государство также может менять свою политику. Так, повышение качества медицинского обслуживания и изменение образа жизни могут резко улучшить состояние здоровья пожилых, что сделает ненужным досрочный выход на пенсию, а, наоборот, мотивирует работать дольше и таким образом облегчит проблему финансирования пенсий. Правильная политика может помочь российским гражданам проживать более долгую, обеспеченную и счастливую жизнь.

В отсутствие соответствующих корректировок политики и образа жизни, старение населения может ослабить экономический рост и бюджетную устойчивость страны. С начала 1990-х на увеличение численности населения трудоспособного возраста приходится около трети прироста ВВП на душу населения. В отсутствие изменений в индивидуальном поведении и государственной политике рост демографической нагрузки может привести к ежегодному снижению темпов роста на 2 процентных пункта в течение следующих нескольких десятилетий. Одним из важных источников являются сбережения, которые в случае неизменной нормы сбережений в рамках жизненного цикла могут резко сокращаться по мере старения населения. Кроме того, в результате старения населения могут значительно увеличиваться расходы на здравоохранение и выплату пенсий, создавая устойчивый дефицит бюджета, что может привести к резкому росту показателя отношения государственного долга к ВВП выше 100% к 2050 году – с 20% ВВП в настоящее время.

Однако эти пессимистические прогнозы основаны на нереалистическом предположении о неизменности поведения людей и государственной политики. Внесение корректировок в политику и поведение способно заметно смягчить последствия старения населения для показателей сбережения, доли работающих, экономического роста, состояния бюджета и заболеваемости. Можно ожидать, что люди, рассчитывающие жить дольше,

будут больше сберегать и дольше работать, понимая, что им предстоит более длительный период жизни на пенсии. Повышение официального возраста выхода на пенсию, который в России низок по международным стандартам, могло бы способствовать продлению периода активной работы и снизить нагрузку на бюджет. Кроме того, государство могло бы помочь пожилым дольше и производительнее работать, стимулируя работодателей внедрять соответствующие методы управления персоналом, учитывающие возрастные особенности (например, путем снижения физической нагрузки для этой возрастной категории), а также путем запрета дискриминации по возрасту и жесткого преследования нарушений. И, наконец, поскольку ухудшение здоровья является самой распространенной причиной прекращения трудовой деятельности и выхода на пенсию, были бы полезны такие меры как диспансеризация и профилактика, дополненные борьбой с распространенными в России вредными привычками (курение, злоупотребление алкоголем, плохое питание и недостаток физической активности). В результате состояние здоровья пожилых могло бы заметно улучшиться, что также способствовало бы продолжению их трудовой деятельности и повышению производительности.

Для обеспечения здорового, активного и материально обеспеченного старения потребуются изменения государственной политики по целому ряду направлений. Меры, необходимые для преодоления проблем старения населения, – такие как снижение высокой сердечнососудистой и онкологической заболеваемости, предоставление взрослым работникам возможностей для получения образования, способного обеспечить их конкурентоспособность в экономике в эпоху глобализации, а также обеспечение равноправие полов, чтобы улучшить возможности для женщин совмещать работу и семью, – в любом случае улучшат экономическое и физическое благосостояние российских граждан, как пожилых, так и молодых. Процессы старения населения лишь повышают неотложность этих реформ, а также могут влиять на выбор приоритетных направлений.

Политика поддержки женщин способна одновременно ограничить старение населения и повысить уровень экономической активности. Демографические тенденции прежде всего определяются возрастной структурой населения. Вместе с тем, хотя в большинстве российских семей только один ребенок, многие родители хотели бы иметь хотя бы двоих детей. Это позволяет предположить, что принятие соответствующих мер политики может до некоторой степени способствовать достижению желаемых уровней рождаемости. Действительно, материальная обеспеченность является важнейшим фактором при принятии решения о рождении ребенка. Вместе с тем, в политике стимулирования рождаемости в России чрезмерная роль придается денежным выплатам, которые, по-видимому, могут влиять на выбор времени рождения ребенка, но не на конечное число детей в семье. При этом некоторые аспекты этой политики, такие как продолжительный и частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, могут снижать участие женщин в рынке труда. Кроме того, ограниченные возможности официальных детских дошкольных учреждений также препятствуют возвращению женщин на рынок труда. Обеспечение более стабильных возможностей занятости и профессиональной карьеры, качественных услуг по уходу за детьми и более гибких трудовых правоотношений для женщин и их супругов позволит женщинам лучше совмещать семью и работу, обеспечивая таким образом более высокие показатели рождаемости и занятости.

Изменения в поведении людей и в государственной политике способны существенно смягчить воздействие старение населения на экономический рост и бюджетную устойчивость. Увеличение срока трудовой деятельности и политика стимулирования участия в рынке труда улучшает перспективы экономического роста. Например, повышение официального срока выхода на пенсию до 65 лет для обоих полов могло бы существенно

улучшить влияние демографической структуры на рост ВВП. В результате демографических изменений ВВП мог бы дополнительно прирастать на 0,6% в течение следующих 15 лет. К 2050 году политика стимулирования экономической активности населения, при условии улучшения прогноза демографической динамики и доходов добывающего сектора способна снизить прогнозируемый дефицит пенсионного фонда более чем на 1% ВВП ежегодно, а уровень государственного долга – приблизительно со 100% практически до нулевого значения. Корректировка бюджетного правила, ежегодно сохраняющее часть нефтегазовых доходов с целью обеспечения определенного уровня накоплений, также может способствовать повышению бюджетной устойчивости.

Содействие развитию образования взрослых и совершенствование управления персоналом с учетом возрастных особенностей исключительно важно для улучшения перспектив занятости для пожилых работников, а также способно повысить производительность для всех возрастов. Последние исследования свидетельствуют, что пожилые работники сохраняют способность к концентрации и обучению новым навыкам в течение длительного времени после наступления пенсионного возраста. Их более совершенные социальные навыки и большой опыт, как правило, компенсируют ухудшение по некоторым показателям, таким как быстрота мышления и физическая сила. Однако в России отсутствие возможностей совершенствования профессиональных навыков и получения другой специальности ограничивает потенциальный вклад пожилых работников. Кроме того, эта ситуация снижает их мотивацию к продолжению работы. Формальную или неформальную переподготовку и повышение квалификации проходят менее 30% взрослых работников – существенно ниже среднего уровня стран ОЭСР и некоторых восточно-европейских соседей. В когорте пожилых работников этот уровень особенно низок. Например, уровень участия работников старше 60 лет в непрерывном профессиональном образовании в два раза ниже, чем у работников зрелого возраста. Определенные стратегии управления персоналом с учетом возраста, такие как создание коллективов из работников различных возрастов и определенная адаптация условий труда и трудовых правоотношений в соответствии с потребностями пожилых работников, могут помочь организациям сохранить свои зрелые ценные кадры. При этом не только производительность пожилых работников вырастет, но это положительным образом отразится и на их более молодых коллегах.

В данной работе представлены результаты исследования влияния демографических тенденций в России, проведенного Всемирным банком. Комплексная программа действий для решения проблемы старения населения предполагает сочетание трех взаимосвязанных направлений государственной политики, нацеленных на обеспечение здорового, активного и процветающего долголетия (Рис. 1). Кроме того, она может включать меры государственной политики, направленные на замедление процесса старения населения за счет повышения уровня рождаемости и/или стимулирования чистой миграции. В этой работе не предполагается освещение всех аспектов многоплановой программы мер в области старения населения. Вместо этого в ходе консультаций с российскими властями и научным сообществом было выбрано несколько недостаточно изученных тем. Некоторые темы, такие как реформа здравоохранения и миграционная политика, были оставлены для будущих исследований. В первом разделе рассматриваются макроэкономические последствия старения населения и анализируется, как с начала 1990-х годов этот процесс влияет на рост ВВП и межрегиональную конвергенцию. Кроме того, в этом разделе предлагаются альтернативные подходы к прогнозированию зависимости между старением населения и экономическим ростом. Затем анализируется влияние старения населения на сбережения домашних хозяйств, и рассматриваются его бюджетные последствия. Во втором разделе, посвященном зависимости между развитием человеческого потенциала и демографией, рассматривается, как политика поддержки семьи может помочь женщинам иметь больше

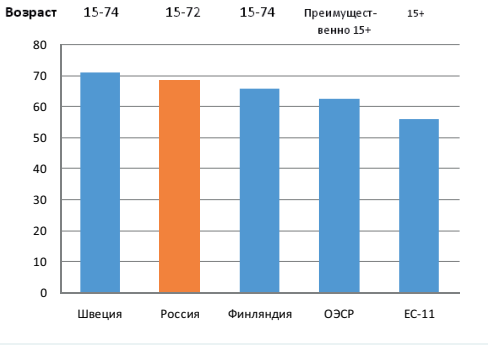
детей и при этом все же повышать свое участие в рабочей силе. Затем анализируются изменения в системе пенсионного обеспечения, здравоохранения, социальной защиты, а также в регулировании рынка труда, которые могли бы способствовать активному долголетию. В последней части этого раздела рассматриваются изменения в системе образования взрослых, которые могли бы повысить конкурентоспособность России и позволить пожилым работать дольше и более продуктивно. В последнем разделе подводятся итоги.

Рисунок 1. Принципы государственной политики по обеспечению здорового, активного и процветающего долголетия

1. Макроэкономические последствия старения

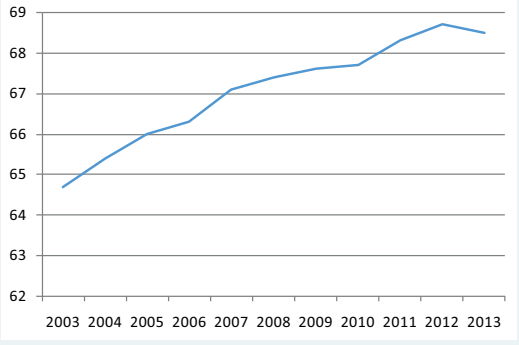
В последние несколько десятилетий Россия получала «демографические дивиденды». Во время переходного периода в начале 1990-х население было в основном молодым, коэффициент демографической нагрузки низким, и многочисленные группы населения пополняли рынок труда. В период между 1995 и 2010 гг., когда население трудоспособного возраста увеличивалось, а общая численность населения уменьшалась, отношение иждивенцев (лица моложе 15 лет или старше 64) к трудоспособному населению (от 15 до 64 лет) снизилось более чем на 11 процентных пунктов. Во многих странах с формирующейся рыночной экономикой доля населения трудоспособного возраста увеличилась еще больше, что способствовало ускорению их экономического роста (см., напр., Aiyar and Mody 2011 и Bloom and Finlay 2009 по ситуации в странах Южной Азии; а также Wang and Mason 2008 по Китаю). Однако во время перехода к рыночной экономике в России положительный эффект этого демографического дивиденда был смазан глубокой экономической и политической дестабилизацией. И все же демографические тенденции внесли существенный вклад в рост по завершении переходного периода. С 2000 года высокий и все повышающийся коэффициент участия в рабочей силе ведет к увеличению ее численности (Рис. 2 и 3).

Рисунок 2. Уровень экономической активности, Россия и референтные страны, 2012, %



Источник: База данных ECA Employment Monitor: Показатели рынка труда (основано на ILO Short-term Indicators).

Рисунок 3. Динамика уровня экономической активности в России, 2003–13, %



Источник: данные Росстата.

Демографический дивиденд обеспечил около одной трети роста ВВП в России с 1997 по 2011 гг. Чтобы рассчитать воздействие демографических изменений на экономический рост, исторические темпы роста сравнивались с оценками темпов роста, полученными с помощью эконометрической модели (Вставка 1), при этом предполагалось, что возрастная структура оставалась неизменной с 1997 года. Разница между этими двумя сценариями, составляющая почти треть роста ВВП на душу населения с 1997 по 2011 год, и есть влияние демографических изменений на рост. Полученная величина близка оценкам демографического дивиденда в Восточной Азии и немного ниже оценки в 40% для Индии.

Вставка 1. Эконометрическая оценка влияния старения населения на экономический рост

Эконометрический анализ можно использовать для измерения зависимости между демографическими изменениями и ростом в российских регионах. В соответствии с гипотезой условной конвергенции, в каждом регионе рост ВВП на душу населения зависит от расстояния между подушевым ВВП и равновесным уровнем, плюс параметр, отражающий скорость, с которой экономика приближается к равновесному уровню. При помощи этой зависимости, дополненной рядом контрольных переменных, можно измерить влияние величины доли населения трудоспособного возраста на величину подушевого ВВП.

Применялись различные эконометрические спецификации модели. В основной спецификации, построенной в соответствии с работой Aiyar and Mody (2011), выборка делится на пятилетние временные периоды. Этот подход основывается на понимании, что демографические переменные склонны изменяться медленно, даже в России, в которой в этот период происходили относительно быстрые демографические сдвиги.

Зависимость между подушевым ВВП в начальный период и темпами роста этого показателя отрицательная и значимая (Табл. В.1.1), что подтверждает экономическую конвергенцию. Рост на 1 процентный пункт доли населения трудоспособного возраста, очищенный от миграции, означает рост ВВП на душу населения на 1,6%.

Таблица В.1.1. Оценка влияния демографических тенденций на рост (5-летние периоды)

Переменные (в логарифмах)	(1) Оценка на основе панельных данных Рост ВВП на душу населения	(2) Оценка на основе панельных данных Рост ВВП на душу населения (корректировка на миграцию)
Начальный уровень ВВП на душу	-0,056***	-0,048**
	(0,019)	(0,019)
Начальная доля населения в трудоспособном возрасте	0,190	0,244*
	(0,150)	(0,139)
Изменение доли населения в трудоспособном возрасте	0,993	
	(0,892)	
Изменение доли населения в трудоспособном возрасте скорректированная на миграцию		1,627***
		(0,601)
Число наблюдений	234	234
R-квадрат	0,481	0,494
Число регионов	78	78

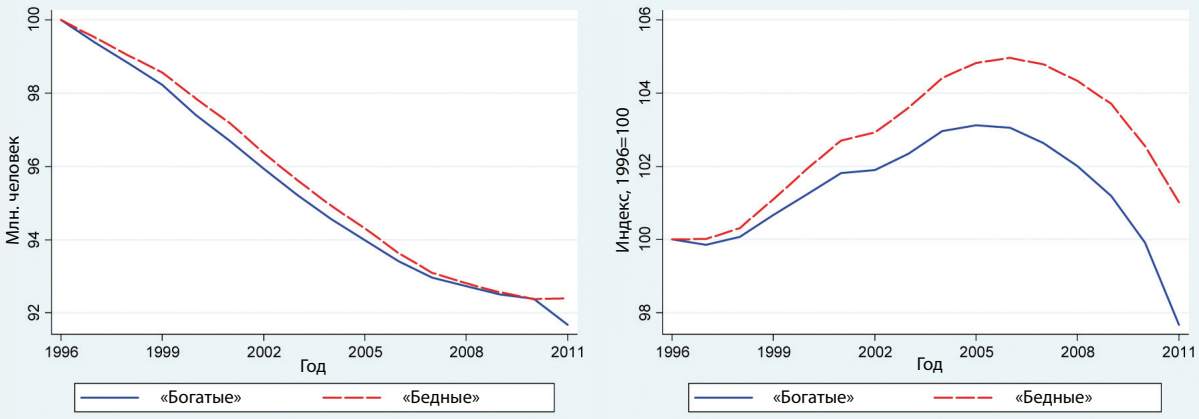
Примечание: В скобках указаны робастные стандартные ошибки

**** p<0,01, ** p<0,05, * p<0,1*

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

С середины 1990-х годов, демографические тенденции также способствовали сокращению неравенства между российскими регионами. Регионы, где в 1996 году ВВП на душу населения был ниже медианного ("бедные" регионы), росли быстрее, чем регионы, где подушевой ВВП был выше медианного ("богатые" регионы). Эта конвергенция частично была обусловлена демографическими тенденциями: в бедных регионах наблюдался больший рост населения трудоспособного возраста вплоть до 2007 года, а с начала 2000-х годов – более быстрое, чем в богатых регионах, снижение коэффициента демографической нагрузки (Рис. 4). Используя эконометрическую модель, описанную во Врезке 1, при контроле различий в экономических, географических и институциональных факторах, получены следующие оценки: в период с 1997 по 2011 год в бедных регионах вклад демографических изменений составил 1,7% в год, в то время как в богатых регионах он оценивается на уровне 1,3% (Табл. 1).

Рисунок 4. Динамика населения трудоспособного возраста в России, «бедные» и «богатые» регионы, 1996–2011 гг.



Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Таблица 1. Демографический дивиденд, 1997–2011 гг.

Территория	Демографический дивиденд (ДД), %.	Рост ВВП на душу населения, %	Рост ВВП на душу населения с корректировкой на ДД, %
Российская Федерация	1,5	4,9	3,4
«Богатые» регионы	1,3	4,6	3,2
«Бедные» регионы	1,7	5,1	3,5

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

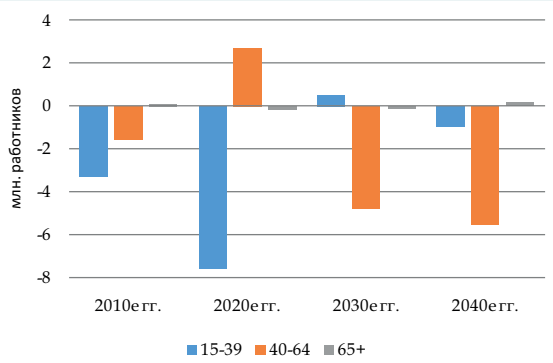
Рабочая сила в России неизбежно будет сокращаться. Если предположить отсутствие неожиданных изменений в динамике коэффициента участия в рынке труда, трудовые ресурсы в России могут сократиться на 20-23 миллиона человек в период между 2010 и 2050 гг., в соответствии с низким демографическим прогнозом Росстата и средним прогнозом ООН (Рис. 5)[1]. В течение нынешнего десятилетия ожидается некоторое сокращение как рабочей силы более молодых возрастов (15-39 лет), так и зрелых возрастов (40–64 года), при этом гораздо более резкое сокращение ожидается в 2020-х годах. В этот период Россия предположительно потеряет свыше 7 миллионов молодых рабочих, когда на рынок труда выйдет

[1] В качестве источника данных по демографическим тенденциям для возрастно-половых комбинаций использовались данные Росстата и Отдела народонаселения ООН; коэффициенты участия.

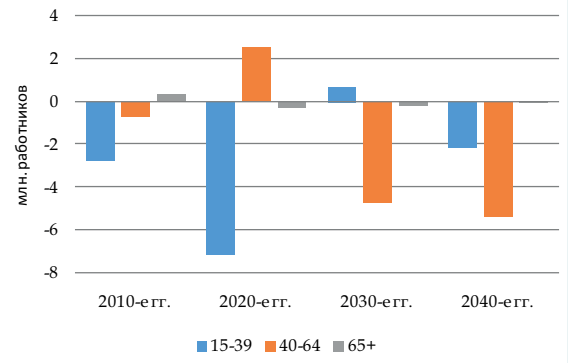
малочисленное поколение переходных 1990х. Хотя трудовые ресурсы зрелых возрастов будут продолжать расти, 2020-е станут первым десятилетием, когда начнется реальное старение рабочей силы: медианный возраст работников существенно поднимется, а общая численность трудовых ресурсов сократится приблизительно на 5 миллионов человек. Эта масштабная убыль молодых работников в 2020-х сильно отразится на возрастной пирамиде в 30-е и в 40-е годы, когда почти 10 миллионов пожилых работников предположительно уйдут с рынка труда. Хотя в 30-е годы численность молодых работников немного увеличится – менее чем на миллион, – в 40-е годы эта возрастная группа предположительно снова начнет сокращаться вследствие низкого уровня рождаемости в 2000-х годах.

Рисунок 5. Рабочая сила в России по возрастным группам, 2010-е–2040-е

А. Сценарий со средней рождаемостью, ООН



Б. Низкий сценарий, Росстат



Источник: Методология по Koettl 2008.

В принципе старение населения способно тормозить экономический рост. Старение населения может сдерживать рост по четырем каналам: (1) В результате старения населения сокращается численность работников, что может приводить к снижению выпуска. (2) Пожилое население склонно сберегать меньше, чем люди трудоспособного возраста, соответственно, старение населения ведет к снижению сбережений и, соответственно, к снижению инвестиций. (3) Постольку рабочая сила стареет и профессиональные навыки неуклонно устаревают, может падать производительность труда. (4) Можно ожидать, что будет расти нагрузка на государственные финансы, поскольку у стареющего населения увеличивается потребность в услугах здравоохранения и длительного ухода, а также в результате того, что изменения в возрастной структуре населения могут серьезно отразиться на доходах и расходах пенсионной системы. В свою очередь, такое увеличение бремени расходов на стареющее население сокращает ресурсные возможности для государственных инвестиций.

В отсутствие изменений в индивидуальном поведении или государственной политике старение населения может снизить рост подушевого ВВП в России. Рассчитать прогноз роста ВВП можно с использованием прошлого значения зависимости между увеличением численности трудоспособного населения и ростом подушевого ВВП (рассчитанное выше) и прогнозной оценкой населения трудоспособного возраста. В то время как в прошлом рост трудоспособного населения способствовал росту ВВП, в будущем сокращение этой группы населения может стать фактором, сдерживающим рост. В официальном демографическом прогнозе Росстата предусмотрены три варианта прогноза (низкая рождаемость, средняя рождаемость и высокая рождаемость). Соответственно, вклад старения населения в рост

подушевого ВВП находится в диапазоне от -1,5% до -2,3% (Табл. 2)[2]. В отсутствие изменений в политике рост ВВП прогнозируется в среднем на уровне 1,3% в период с 2015 по 2014 год в рамках среднего варианта демографического прогноза; в соответствии с низким вариантом прогноза годовой рост вряд ли превысит 1%. При этом до 2030 года демографическая нагрузка, как ни странно, выше при реализации сценария высокой рождаемости, потому что большая часть этих дополнительно рожденных детей пополнит рабочую силу только после 2030 года. Во всех трех сценариях коэффициент демографической нагрузки будет выше в бедных регионах, чем в богатых, соответственно, демографические изменения могут усугублять межрегиональное неравенство (Табл. 2).

Таблица 2. Влияние демографических изменений на подушевой рост ВВП, 2012–30 гг. , процентных пунктов ВВП

Территория	Низкая рождаемость	Средняя рождаемость	Высокая рождаемость
Российская Федерация	-1,5	-2,0	-2,3
«Богатые» регионы	-1,4	-1,9	-2,2
«Бедные» регионы	-1,5	-2,0	-2,4

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Влияние будущих демографических изменений на рост также можно оценить с использованием стандартной модели анализа факторов роста ВВП (Вставка 2). Для каждого из трех вариантов демографического прогноза Росстата разрабатываются две модификации модели. Первая модификация (сценарии А) прогнозирует рост потенциального ВВП, исходя из предположения о проведении политики по увеличению численности рабочей силы в России, а также других мер на рынке труда. Вторая модификация (сценарии В) прогнозирует рост потенциального ВВП в отсутствие такой политики в отношении рынка труда. Для каждой модификации модели, просчитаны три альтернативных сценария, которые представлены ниже:

Базовый сценарий А – средний демографический сценарий, предполагающий реформы. В данном сценарии предполагается постепенное повышение уровня рождаемости с сегодняшних 1,6 родившихся живыми до 1,9 к 2050 году, а также повышение средней продолжительности жизни с 70 лет до 77,4 лет. Государство принимает меры, способствующие повышению уровня экономической активности. Этот сценарий также исходит из того, что институциональные изменения оказывают умеренно-положительное влияние на совокупную производительность факторов производства.

Оптимистический сценарий А – высокий демографический сценарий, предполагающий реформы. В этом сценарии заложены оптимистические демографические условия, в том числе конвергенция средней продолжительности жизни до уровня ОЭСР, а также постепенное повышение коэффициента рождаемости к 2050 году до 2,2. Как и в базовом сценарии А, в данном сценарии предполагается, что государственная политика в области рынка труда положительно повлияет на состояние рабочей силы, а институциональные изменения окажут такой же положительный эффект на рост уровня экономической активности.

Пессимистический сценарий А – низкий демографический сценарий, предполагающий реформы. Этот сценарий отражает пессимистический демографический сценарий Росстата, в котором предполагается снижение коэффициента рождаемости в 2020-40 гг. с 1,6 до 1,4, а затем некоторое повышение до 1,5 к 2050 году. Ожидается незначительное повышение средней продолжительности жизни – до 71,2 года к 2050 г. Как и в базовом

[2] Определения и данные ООН используются для межстрановых сопоставлений, а данные и определения Росстата – для российских регионов. Хотя уровни могут незначительно различаться, поскольку тенденции и структура сопоставимы, на выводы это существенного влияния не оказывает.

сценарии А, здесь также предполагается положительное влияние государственной политики на трудовые ресурсы и похожее положительное влияние институциональных изменений на рост уровня экономической активности.

Базовый сценарий В – средний демографический сценарий, не предполагающий реформ. Данный сценарий основан на тех же демографических прогнозах, как и базовый сценарий А. Однако в этот сценарий не заложены изменения политики в области рынка труда или совершенствование институциональной среды, и поэтому не предполагается изменений уровня экономической активности или повышение совокупной производительности факторов производства.

Оптимистический сценарий В – высокий демографический сценарий, не предполагающий реформ. В данном сценарии, основанном на высоком варианте прогноза Росстата, не предполагается наличия и влияния мер политики на уровень экономической автивности или на повышение совокупной производительности факторов производства.

Пессимистический сценарий В – низкий демографический сценарий, не предполагающий реформ. В данном сценарии, основанном на низком варианте прогноза Росстата, не предполагается наличия и влияния мер политики на уровень экономической активности или на повышение совокупной производительности факторов производства.

В отсутствие изменений в политике старение населения особенно сильно будет снижать потенциальный рост ВВП в 2015-2020 гг. (Табл. 3). На основе сравнения прогнозируемого роста в трех демографических сценариях оценивается предельное влияние старения населения и сокращения рабочей силы на экономический рост. В сценариях, не предполагающих реформ на рынке труда – базовый (В), оптимистический (В) и пессимистический (В) – структурные проблемы в сочетании с негативными демографическими условиями ограничивают темпы роста потенциального выпуска в период с 2015 по 2040 гг. до 1,6% в год в базовом (В), 1,3% в оптимистическом (В) и 0,9% в пессимистическом сценарии (В). Разница между темпами роста потенциального выпуска в разных сценариях – 0,3 и 0,4 процентных пункта в год, – отражает более пессимистические прогнозы демографических изменений. В особенности мрачно выглядит прогноз роста потенциального ВВП в 2015-2020 гг., когда по всем трем сценариям ожидается среднегодовой рост в пределах 0,4-0,5%. С течением времени различия в темпах роста потенциального выпуска между сценариями В нарастают, достигая 0,6 процента в последнее десятилетие (2032-2040 гг.) прогнозного периода (потенциальный ВВП растет на 2,3% в год в оптимистическом сценарии, 1,7% в базовом и 1,1% в пессимистическом).

Таблица 3. Среднегодовые темпы роста потенциального ВВП, 2015-40, %

	Сценарии, предполагающие меры политики (А)			Сценарии, не предполагающие мер политики (В)		
	Базовый	Оптимистический	Пессимистический	Базовый	Оптимистический	Пессимистический
2015–40	1,68	2,18	1,27	1,29	1,63	0,93
2015–20	0,85 (0,5)	1,07 (0,9)	0,77 (0,3)	0,43 (0,3)	0.50 (0,6)	0,39 (0,2)
2021–30	1,78	2,28	1,47	1,34	1,70	1,07
2031–40	2,00	2,70	1,32	1,67	2,25	1,07

Примечание: Числа в скобках отражают фактический прогноз ВВП на 2015-2016 гг.

Вставка 2. Модель анализа факторов роста ВВП

Для прогнозирования долгосрочного роста в России была применена стандартная модель анализа факторов роста с использованием производственной функции. Модель состоит из трех основных компонентов: блок рабочей силы, блок сбережений и блок счета текущих операций. В блоке рабочей силы численность экономически активного населения оценивается на основе официальных демографически прогнозов. В блоке сбережений валовые сбережения домохозяйств, корпоративного сектора и сектора государственного управления оцениваются с целью расчета агрегированной нормы национальных сбережений. Блок счета текущих операций оценивается с использованием методологии МВФ[a] для прогнозирования долгосрочного равновесного уровня счета текущих операций по отношению к ВВП. Запасы основного капитала прогнозируются на основе оценок национальных сбережений и счета текущих операций. Наконец, прогнозные оценки рабочей силы и основного капитала используются для прогнозных расчетов ВВП при помощи следующей производственной функции:

$$dlog(gdp) = 0.352 * dlog(u_k * k_a) + 0.674 * dlog\left(\left(1 - \frac{u}{100}\right) * eap_total\right) + \frac{tfp_g}{100}$$

где

u_k	*– коэффициент использования основного капитала*
k_a	*– основной капитал*
u	*– уровень безработицы*
eap	*– экономически активное население*
tfp_g	*– рост совокупной производительности факторов производства*

[a] *См. http://www.imf.org/external/np/res/eba/pdf/080913.pdf*

Прогнозы, полученные при помощи обеих модификаций модели долгосрочного роста, предсказывающие медленный рост, обусловленный старением населения, критическим образом зависят от допущения о неизменности индивидуального поведения и государственной политики в ответ на старение населения. Признавая полезность этого допущения для оценки проблем, которые может создавать старение населения, все же следует отметить, что оно нереалистично. На самом деле люди меняют свое поведение в ответ на демографические вызовы. Например, люди, ожидающие жить дольше, могут больше сберегать или дольше работать, чтобы обеспечить себе достаточно средств на более долгую жизнь. Власти со своей стороны могут менять правила пенсионного обеспечения, чтобы обеспечить финансовую устойчивость пенсионной системы, что, в свою очередь, изменит отношение людей к продолжению работы. Такие изменения способны смягчить или даже преодолеть предполагаемое отрицательное влияние старения населения на доходы. В исследованиях влияния старения населения на экономический рост в развитых странах подчеркивается важнейшая роль мер государственной политики в области пенсионного обеспечения, инвестиций в здравоохранение и образование, а также миграционной политики и гибкой политики на рынке труда в снижении негативных последствий старения населения для показателей участия в рабочей силе и экономического роста (см. Bloom, Canning and Fink 2008 и 2011; и Kelly and Schmidt 2005).

Реформы могут оказать существенное воздействие на показатели демографической нагрузки и роста в России. В России относительно низкий официальный возраст выхода на пенсию – 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин в настоящее время. Повышение воз-

раста выхода на пенсию, вполне осуществимое с учетом ожидаемого улучшения показателей продолжительности жизни, могло бы стимулировать людей работать дольше, смягчив, таким образом, воздействие старения населения на экономический рост. В соответствии с моделью конвергенции экономического роста (Вставка 1), повышение пенсионного возраста с 55 до 65 лет для женщин и с 60 до 65 лет для мужчин обеспечило бы увеличение рабочей силы, достаточное для достижения чистого положительного вклада в темпы роста до 2050 года включительно: в соответствии с моделью анализа факторов роста ВВП (Вставка 2), повышение пенсионного возраста может увеличить рабочую силу на 2-3 миллиона человек к 2050 году. Прогнозные расчеты дают два основных результата: (1) Предельное воздействие повышения пенсионного возраста на рост сходно во всех трех сценариях, что отражает приблизительно одинаковые во всех трех сценариях темпы роста населения пенсионного возраста. (2) По полученным оценкам, предельное воздействие повышения пенсионного возраста на рост будет минимальным в первые годы прогнозного периода, но будет постепенно расти, в последние пять лет достигнув 0,22 процентных пунктов в год.

Реформы, способные смягчить последствия демографических изменений для экономического роста, выходят далеко за рамки изменения пенсионного возраста. Правительство Российской Федерации сформулировало ряд мер, направленных на более активное участия женщин, молодежи и граждан старших возрастов в рынке труда, такие как развитие дошкольных учреждений, сокращение неформальной занятости и более гибкие условия труда (политика, способствующая стимулированию пожилых дольше работать). Для оценки воздействия этих реформ используется сценарный анализ в рамках модели анализа факторов роста ВВП. Сценарии также предполагают некоторые институциональные преобразования, в частности реформы образования и здравоохранения, способные повысить человеческий капитал и производительность. Для оценки влияния этих реформ на относительное качество институтов используется индекс качества институциональной среды (IMF 2012)[3]. Совместное воздействие мер политики и институциональных изменений на рост отражает их влияние одновременно на численность трудовых ресурсов и на совокупную производительность факторов производства. Даже при использовании консервативного предположения о будущих темпах роста совокупной производительности факторов производства, совместное предельное воздействие мер на рынке труда и институциональных изменений на потенциальный рост ВВП оценивается в диапазоне 0,34–0,55 процентных пунктов в год, что составляет приблизительно четверть прироста ВВП, прогнозируемого на 2015–40 гг. Следует отметить, что в базовом и в пессимистическом сценариях воздействие мер на рынке труда на рост меньше, чем предполагаемый положительный эффект от роста совокупной производительности факторов производства. Это обстоятельство имеет важные последствия с точки зрения того, какую политику следует проводить российскому правительству, чтобы повысить долгосрочный потенциальный рост. В конечном итоге, несмотря на различие в предположениях и в степени воздействия, оценки, полученные в обеих модификациях модели долгосрочного роста показывают, что изменения политики способны в значительной мере ограничить отрицательные последствия старения населения для экономического роста.

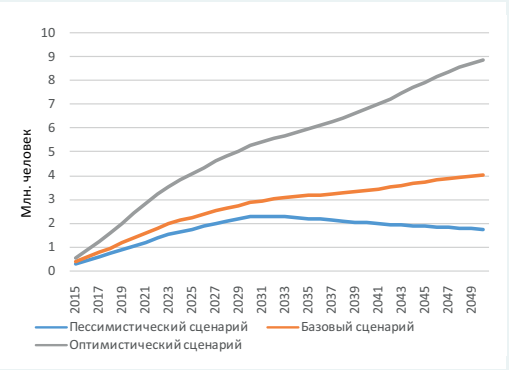
Совершенствование политики на рынке труда окажет более значительное воздействие на коэффициент участия молодых и пожилых, чем лиц трудоспособного возраста. Уровень экономической активности обоих полов в возрасте 24–55 лет уже достаточно высок в России, причем для женщин он превышает средние показатели ОЭСР. Таким образом, одно лишь совершенствование политики на рынке труда вряд ли может повысить экономическую активность этих групп. По имеющимся оценкам, улучшение политики повысит

[3] Эти сценарии исходят из предположения о неизменности возраста выхода на пенсию.

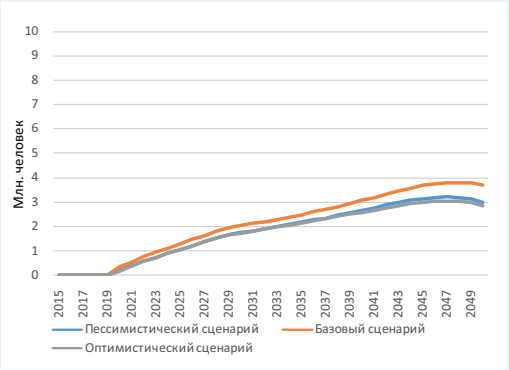
коэффициент участия мужчин в возрасте 24-45 лет менее чем на 2 процентных пункта за весь прогнозный период, а для женщин этой возрастной группы данный показатель еще меньше. Вместе с тем, в России достаточно низка экономическая активность пожилых и молодых когорт населения обоих полов. Таким образом, по имеющимся оценкам, совершенствование политики занятости (без изменений пенсионного возраста) повысит уровень экономической активности для обоих полов в возрасте 20-24 лет на 5 процентных пунктов, и еще больше для группы в возрасте 55-65 лет. Эффект от таких мер через повышения численности рабочей силы в России превышает эффект от повышения пенсионного возраста в базовом и в оптимистическом сценариях, а в пессимистическом сценарии результаты примерны одинаковы (Рис. 6).

Рисунок 6. Прогнозные расчеты трудовых ресурсов, 2015-50

А. Увеличение в результате изменений в политике занятости



Б. Увеличение в результате повышения пенсионного возраста



Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

Предельное воздействие активной политики занятости на долгосрочный рост, по-видимому, будет неравномерным во всех сценариях, усиливаясь в первые десятилетия прогнозного периода (Рис. 7). Предельное воздействие политики занятости на рост в базовом сценарии составляет 0,17 процентных пункта (п.п.) и пессимистическом 0,11 п.п. в среднем для прогнозного периода. Однако в оптимистическом сценарии эффект политики занятости почти в два раза больше, чем в базовом: 0.31 п.п. Эффект максимально нарастает в первое десятилетие прогнозного периода, а затем снижается во всех трех сценариях: ожидается, что конвергенция к максимально возможным коэффициентам участия в рабочей силе завершится к середине 2030-х гг. Например, в рамках базового сценария активная политика по стимулированию занятости может дать дополнительно 0,21 п.п. ежегодного прироста ВВП в 2015-30 гг., однако в последнее десятилетие прогнозного периода этот вклад снижается в два раза до 0,11. Более того, и в базовом, и в пессимистическом сценариях принимаемые меры политики будут недостаточными для преодоления отрицательного вклада занятости в рост – отрицательный эффект демографической динамики, по-видимому, перевесит положительный эффект политики занятости в рамках существующей экономической модели в России.

Несмотря на значительное расхождение между сценариями в оценке предельного воздействия политики занятости на рост, относительный вклад в рост, измеряемый как отношение предельного эффекта в каждый год к общему росту, будет, по-видимому, похожим (Рис. 8). Это позволяет предположить, что относительная эффективность политики занятости будет примерно одинаковой вне зависимости от демографических

тенденций. Кроме того, прогнозируется, что относительный вклад в рост будет значительно больше в первые годы прогнозного периода. Это отражает значительно более низкий потенциал роста в первые годы прогнозного периода, обусловленный отрицательным воздействием низкого уровня инвестиции и запасов основного капитала на рост. Тот факт, что политика по стимулированию занятости будет более эффективной в начале прогнозного периода – хорошая новость для российских властей, учитывая, что разрыв между фактическим и потенциальным выпуском, по-видимому, будет отрицательным в течение следующего десятилетия.

Рисунок 7. Предельное влияние политики занятости на рост, 2015-40 , п.п. ВВП

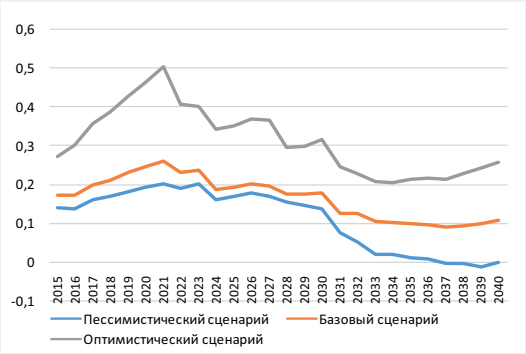
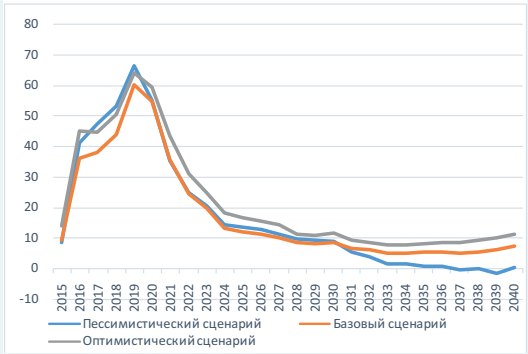


Рисунок 8. Относительное влияние политики занятости на рост, %



Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

2. Воздействие старения населения на сбережения населения

Снижение сбережений вследствие старения населения может сокращать экономический рост. Одним из каналов, по которому старение населения влияет на экономический рост, являются сбережения, а именно тот факт, что пожилые обычно сберегают меньше, чем люди трудоспособного возраста. Гипотеза жизненного цикла (Modigliani and Brumberg 1954) предполагает, что люди сглаживают потребление в течение жизни, сначала накапливая активы в процессе трудовой деятельности, а затем расходуя их в пожилом возрасте. Соответственно, из этой гипотезы может вытекать, что совокупные сбережения будут сокращаться по мере увеличения доли пожилых в населении, снижая, таким образом, средства для инвестиций, а, следовательно, и рост. Оценка исторической зависимости между сбережениями и старением населения может способствовать лучшему пониманию того, как старение населения отражается на экономическом росте.

Для оценки воздействия старения населения на экономический рост требуются точные данные о сбережениях. Первичные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) свидетельствуют, что норма сбережений на самом деле с возрастом растет, и у более пожилых домохозяйств этот показатель самый высокий. Другими словами, гипотеза жизненного цикла не подтверждается. Однако этот вывод основывается на неадекватном учете доходов и расходов пенсионной системы. Дело в том, что домохозяйства обычно считают пенсионные выплаты, получаемые в рамках любой пенсионной программы, как часть дохода, хотя существенные суммы этих выплат фактически представляют собой расходование активов (Deaton 2005a; UN 2009). В то же время молодые не относят к своему доходу пенсионные взносы, которые в их пользу делают работодатели. В результате в данных обследований домохозяйств занижаются как доходы (а следовательно сбережения) молодых возрастов, так и расходование сбережений пожилых. Для корректировки этого искажения необходимо добавить в доходы домохозяйств пенсионные взносы работодателей и вычесть из доходов домохозяйств ту часть пенсий, которая представляет собой расходование активов. Легче сказать, чем сделать (Вставка 3).

Вставка 3. Корректирование данных обследований домохозяйств с целью более точного отражения роли пенсий

При корректировании показателей сбережений домохозяйств на пенсионные взносы и выплаты возникают две основные проблемы: (1) Данные обследований домохозяйств, как правило, не отражают величину дохода до выхода на пенсию, который используется для финансирования накопленных пенсионных прав. Условный расчет этих показателей исключительно сложен по причине сложности пенсионной системы, в которой к различным категориям пенсионеров и различным возрастным группам применяются разные правила, что отчасти стало следствием многочисленных пенсионных реформ. (2) Не до конца ясно, можно ли классифицировать обязательные взносы в рамках государственных, региональных и местных пенсионных и страховых программ как сбережения, а пенсии, получаемые из этих фондов по достижении пенсионного возраста как расходование сбережений, поскольку эти потоки обусловлены требованиями государства, а не решениями самого домохозяйства (Gale and Sabelhaus 1999).

В следующих двух сценариях используется методология, предложенная Lustig and Higgins (2013): (1) базовый вариант, в котором пенсионные выплаты в рамках любой пенсионной программы учитываются как социальные трансферты – соответственно, данные обследований не корректируются; (2) альтернативный вариант, в котором данные обследований корректируются посредством включения пенсионных взносов и выплат в общую сумму сбережений – другими словами, все пенсионные выплаты считаются расходованием активов после выхода на пенсию, а следовательно, уменьшением сбережений. Предполагается, что в реальности истина будет посередине этих двух сценариев.

Во втором варианте, где данные корректируются, условные пенсионные взносы рассчитываются путем оценки тарифа, при котором пенсионный фонд был бы сбалансирован, если этот тариф применить ко всем видам трудового дохода. То есть при этом тарифе пенсионные взносы и выплаты должны быть равны. Конечно, учитывая сложность российской пенсионной системы, этот метод очень неточен, однако он может стать хорошей исходной точкой. Полученная в ходе моделирования оценка тарифа в 24,18% очень близка к официальному тарифу страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, применяемому к заработным платам ниже определенного потолка (в 2012 году тариф установлен на уровне 22%)[a].

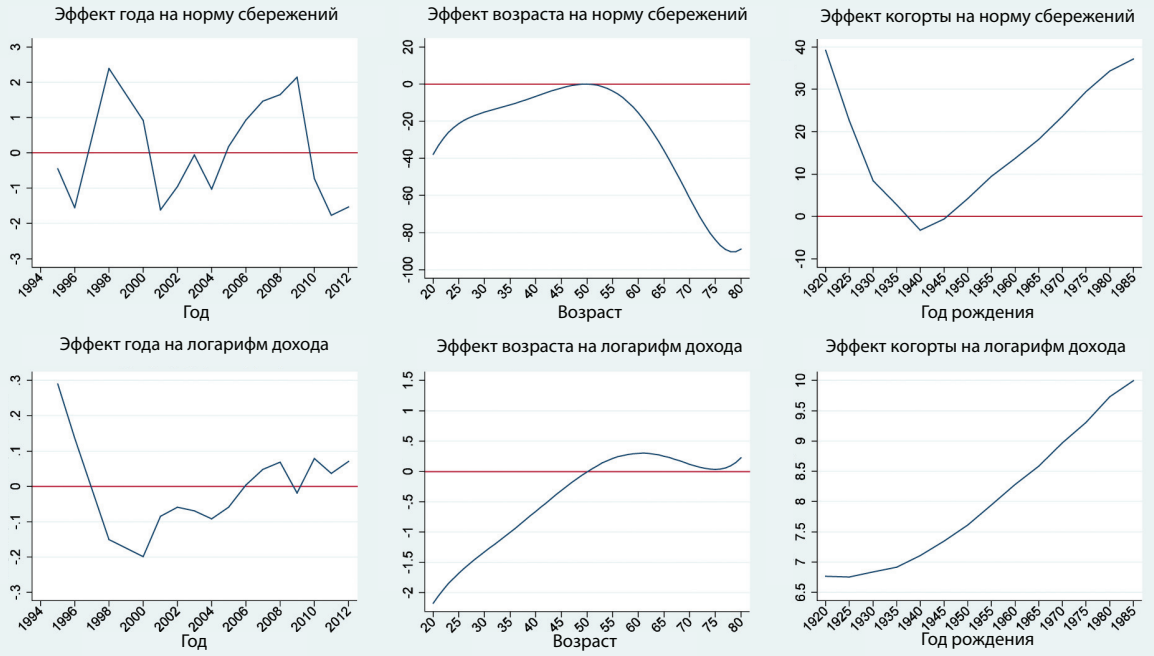
Для каждого домохозяйства чистая разница между условно начисленными взносами в пенсионный фонд и фактически получаемыми пенсиями прибавляется к расчету сбережений. Благодаря методу условного расчета, совокупные пенсионные взносы и выплаты балансируются на агрегированном уровне, так что общая сумма сбережений домохозяйств (агрегированная по всем возрастным группам) идентична в обоих сценариях. Вместе с тем, в варианте с корректировкой пенсионные взносы включаются в расчет валового располагаемого дохода, изменяя расчет нормы сбережений для каждой возрастной группы.

[a] <http://www.pfrf.ru/rates_premiums/>.

При правильно проведенной оценке динамика сбережений в России согласуется с гипотезой жизненного цикла. Сбережения, основанные на данных, скорректированных на пенсионные потоки, оцениваются как функция возраста, дохода, эффектов когорт (различия между возрастными группами, отражающие опыт и предпочтения каждой группы, а не возраст), а также делового цикла. Выявлено, что норма сбережений повышается с возрастом главы домохозяйства в период трудоспособного возраста, достигая максимального значения в 50 лет (Рис. 9, верхний ряд). К возрасту 75–80 лет около 90% всех ресурсов домохозяйства представляют собой расходование накопленного состояния. Лица, рожденные между 1920 и 1940 гг., как правило, имеют более незначительные сбережения, а для каждой последующей когорты рожденных после второй мировой войны норма сбережений возрастает. В итоге, очистив результат от прочих возможных влияний на сбережения, получаем вывод, что норма сбережений склонна возрастать в период среднего трудоспособного возраста и снижаться после выхода на пенсию.

Прогнозные оценки воздействия старения населения на норму сбережений зависят от принимаемых допущений относительно демографических изменений. Для прогнозирования нормы сбережений на горизонте в 35 лет требуются допущения относительно будущих демографических изменений, которые неизбежно будут крайне неопределенными. Поэтому целесообразно представить сценарии изменений в норме сбережений,

Рисунок 9. Норма сбережений и доход на душу населения с корректировской на учет пенсий



Примечание: корректировка учета пенсии проводилась с помощью регрессионной модели на основе синтетических панельных данных с учетом возрастных когорт с фиктивными переменными, обозначающими годы, и фиктивными переменными, обозначающими возрастные когорты, полиноминальные по возрасту.

Источник: данные обследования домохозяйств RLMS-HSE и демографические прогнозы ПРООН для Российской Федерации по состоянию на 2012 г.

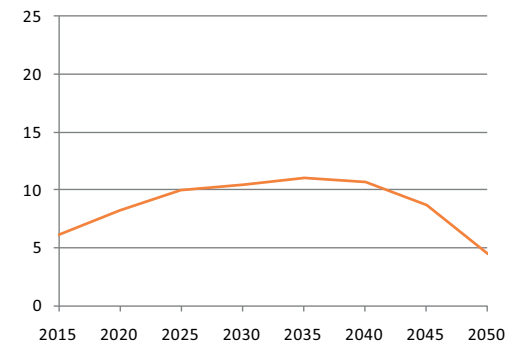
отражающие различные допущения роста населения и эффектов когорт (т.е. не связанное со старением поведение когорт, рожденных в будущем)[4]. Такие сценарии основываются на низком, среднем и высоком вариантах демографического прогноза Росстата. Эти допущения имеют ограниченное влияние на прогноз нормы сбережения, которая в этих сценариях различается лишь на несколько процентных пунктов (Рис. 10).

Напротив, допущения относительно сберегательного поведения будущих когорт оказывают существенное влияние на прогнозную норму сбережения. С одной стороны, можно предположить, что у всех рожденных в будущем поколений будет такой же эффект когорт на сбережения, как прогнозируемый эффект для самой младшей когорты. В этом случае прогнозируется снижение сбережений по мере старения населения России – в результате прогнозная кривая имеет горбообразный вид (Рис. 10). Прогнозируется, что агрегированная норма сбережений населения будет расти приблизительно до 2030-х гг. По мере увеличения доли населения старших возрастов, прогнозируемая норма сбережений стабилизируется на одном уровне до 2040-х, а затем начнет снижаться. С учетом высокого уровня расходования сбережений в пожилом возрасте, прогнозируемое снижение агрегированной нормы сбережений будет наиболее выраженным в рамках сценария низкого роста населения, где пожилые составляют самую большую долю населения.

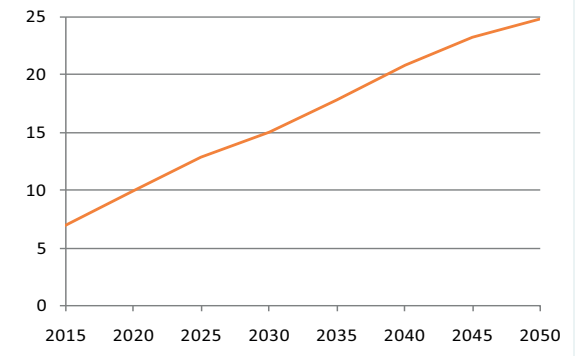
[4] Поскольку не наблюдалось значительного расхождения в сберегательном поведении глав домохозяйств с различным уровнем образования, а также поскольку общие равновесные эффекты осложняют прогнозы будущего накопления человеческого капитала, сценарный анализ базируется на коэффициентах, полученных для всего населения. Анализ также абстрагируется от колебаний экономического цикла, то есть временные эффекты установлены на нуле, так что любой прогнозируемый тренд в норме сбережений образуется сочетанием возрастных эффектов и эффектов когорт.

Рисунок 10. Норма сбережений, 2015–50 гг., различные сценарии роста населения, скорректированные на пенсионные потоки, базовый сценраий, %

А. Постоянный эффект когорт



Б. Возрастающий эффект когорт



Примечание: панель А: Применение последних наблюдаемых эффектов когорт к когортам новорожденных панель Б: Экстраполяция тенденций, связанных с эффектами когорт.

Источник: данные обследования домохозяйств RLMS-HSE и демографические прогнозы ПРООН для Российской Федерации по состоянию на 2012 г.

Альтернативное допущение состоит в том, что эффект когорт на сбережения будущих поколений продолжает повышательную тенденцию, выявляемую на исторических данных. В этом случае агрегированная норма сбережений домохозяйств повышается на всем прогнозном горизонте.

К этим прогнозам следует относиться с большой осторожностью. Эта методология исходит из предположения об истинности гипотезы жизненного цикла, хотя Deaton and Paxson (2000) приходят к выводу, что не все временные изменения нормы сбережений получают исчерпывающее объяснение в рамках модели жизненного цикла. Кроме того, прогнозы основываются на микроэкономических данных, которые не вполне сопоставимы с макроэкономическими показателями сбережений в рамках системы национальных счетов, как в результате расхождений в данных о потреблении в этих двух источниках (см. Ravallion 2003; Deaton 2005b ; Bourguignon 2015), так и поскольку эти данные ограничены домохозяйствами, в то время как показатель агрегированных сбережений также отражает решения фирм и государства. Анализ сберегательного поведения домохозяйств в лучшем случае способен объяснить только около одной трети изменений в общих агрегированных сбережениях в России. И, наконец, что особенно важно для трезвой оценки перспектив в России: на сберегательное поведение огромное влияние могут оказать будущие институциональные изменения. В результате развития процесса старения населения, будет, по-видимому, увеличиваться давление с целью уменьшения щедрости пенсионной системы. В результате домохозяйства будут еще больше расходовать свои сбережения в пожилом возрасте, что может существенно снизить уровень сбережений в российской экономике.

3. Бюджетные последствия старения населения

Демографическое старение отражается на объемах и структуре бюджетных расходов и доходов. Старение населения может напрямую увеличивать спрос на государственные услуги, такие как услуги здравоохранения и длительный уход. Кроме того, может расти потребность в социальных трансфертах, таких как пенсионные пособия. Старение населения также напрямую влияет на бюджетные доходы: как правило, в течение жизненного цикла меняется источник индивидуального дохода, а, следовательно, и величина налоговой базы. Например, в результате увеличения доли пенсионеров (при неизменных ставках налогообложения) в общей численности населения могут меняться объемы налогов на заработную плату по сравнению с пассивным доходом. Кроме того, старение населения может косвенно влиять на состояние бюджета, а именно, путем изменения агрегированного уровня дохода, что, в свою очередь, влияет на показатели расходов и доходов. Например, если старение населения сопряжено с повышением доходов на душу населения, тогда спрос на услуги здравоохранения также вырастет, поскольку это стандартное благо. При этом, хотя старение населения не особенно влияет на это, при анализе перспектив бюджетной устойчивости в России также необходимо отразить динамику ресурсных доходов, которые в 2014 году составляли одну треть доходов страны.

Ожидается, что доходы, получаемые из нересурсных отраслей, вырастут как доля ВВП. Нересурсные доходы, по-видимому, будут расти быстрее, чем нересурсный ВВП. Эластичность по доходу выше 1 для неналоговых доходов и косвенных налогов благодаря улучшению собираемости налогов и сокращению неформального сектора в экономике, а также для налогов на доходы, в связи с тем, что в системе прогрессивного налогообложения более высокие доходы ведут к повышению предельных ставок налогообложения. В базовом сценарии нересурсные бюджетные доходы растут приблизительно с 28% нересурсного ВВП в 2014 году до 32% к 2050. В пессимистическом сценарии бюджетные доходы поднимаются до 30% нересурсного ВВП, а в оптимистическом – до 36% (эти три сценария описаны во Вставке 4).

Вставка 4. Сценарный анализ

В условиях неопределенности многих компонентов, при прогнозировании российского ВВП целесообразно провести сценарный анализ. В сценарном анализе предусмотрены три альтернативных демографических показателя (общая численность населения, возрастная структура населения и численность рабочей силы), три сценария динамики производительности труда, три прогноза цен на нефть и газ, и два сценария политики занятости. Если учесть все допущения, то получится 54 альтернативных прогнозов ВВП. Поскольку не представляется возможным рассмотреть каждый из этих прогнозов, а также чтобы избежать произвольного наложения различных переменных, в данной работе все сценарии агрегируются в три: базовый, оптимистический и пессимистический, которые определяются следующим образом:

- **Базовый**: средний вариант прогноза демографических переменных, рабочей силы, производительности труда и нефтегазовых цен, при этом меры государственной политики по стимулированию участия в рабочей силе не предусмотрены.

- **Оптимистический прогноз**: высокий вариант прогноза демографических переменных, рабочей силы, производительности труда и нефтегазовых цен, плюс предполагаются меры государственной политики, стимулирующие участие в рабочей силе.
- **Пессимистический прогноз**: низкий вариант прогноза демографических переменных, рабочей силы, производительности труда и нефтегазовых цен; меры государственной политики по стимулированию участия в рабочей силы не предусмотрены[a].

Моделирование показывает постепенное замедление темпов роста ВВП в долгосрочном периоде. В рамках базового сценария темпы роста ненефтяного ВВП увеличиваются до 2,3% к 2018 году, а затем в течение длительного периода постепенно снижаются до 1,6% в год, что главным образом отражает более глубокое сокращение рабочей силы в последние годы прогнозного периода[6]. Оптимистический сценарий предполагает долгосрочный рост на уровне 2,7%, а пессимистический – 0,4% в год. Меры стимулирования участия в рабочей силе эффективно способствуют ускорению роста ВВП: к 2050 г. благодаря увеличению рабочей силы ВВП увеличивается приблизительно на 6 процентных пунктов по сравнению с базовым сценарием. Этот результат превышает положительный эффект более высоких цен на нефть.

Для определения вероятности альтернативных сценариев используется метод Монте-Карло, когда моделируются стохастические шоки в отношении роста производительности труда и цен на нефть, чтобы определить вероятность альтернативных сценариев (для демографического тренда используются показатели базового сценария). На основании выборки из 500 идентичных и независимо распределенных во времени шоков имитационная модель позволяет выстроить интервалы доверия вокруг базового сценария. Так, в 2050 году ожидается, что ВВП на душу населения составит от 22 000 долларов США до 29 000 долларов США в 90% случаев.

[a] Обратите внимание, что пессимистический демографический сценарий может быть связан с более высоким подушевым доходом, потому что коэффициент демографической нагрузки выше в оптимистическом демографическом сценарии. Однако эта выборка актуальна для рассмотрения бюджетных аспектов старения населения.

[6] В недавнем исследовании института Гайдара (Goryunov et.al. 2013) выполнен подобный прогноз, при этом темпы роста ВВП так же снижаются.

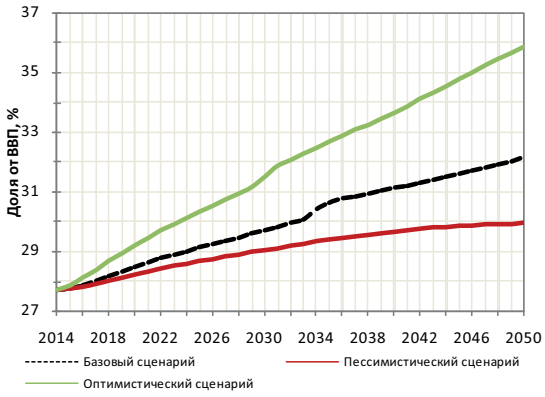
Прогнозируется сокращение доли доходов ресурсного сектора в общих доходах бюджета. Основываясь на прогнозах Всемирного банка и МВФ, в данной работе предполагается, что в период между 2014 and 2050 гг. добыча нефти будет постепенно снижаться с 520 миллионов тонн до 436 миллионов тонн, в то время как добыча природного газа вырастет с 670 миллиардов до 810 миллиардов кубометров. В базовом сценарии на долгосрочный период прогнозируется стабилизация цены на нефть на уровне 105 долларов за баррель[5]. Таким образом, хотя доходы от ресурсного сектора будут расти, их рост будет отставать от роста доходов нересурсного сектора, что приведет к сокращению доли ресурсного сектора в бюджетных доходах с 30% в 2014 году до 14% к 2050 году (Рис. 11).

Прогнозируется рост расходов, чувствительных к демографическим изменениям. К 2050 году ожидается рост непроцентных расходов бюджета с 36,7% в 2014 году до 37,8% в соответствии с базовым сценарием и до 42,3% в соответствии с пессимистическим сцена-

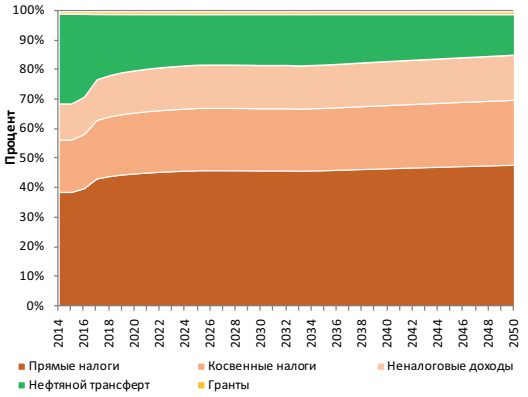
[5] Оптимистический сценарий, в котором среднесрочный прогноз цен близок к прогнозу Управления энергетической информации США, предполагает постепенный рост и стабилизацию на уровне приблизительно $122 за баррель. В пессимистическом сценарии, близком к среднесрочному прогнозу МВФ, предполагается снижение до $69 за баррель.

Рисунок 11. Прогнозы доходов в рамках трех сценариев

А. Несырьевые доходы бюджета



Б. Структура доходов бюджета



Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата и МВФ.

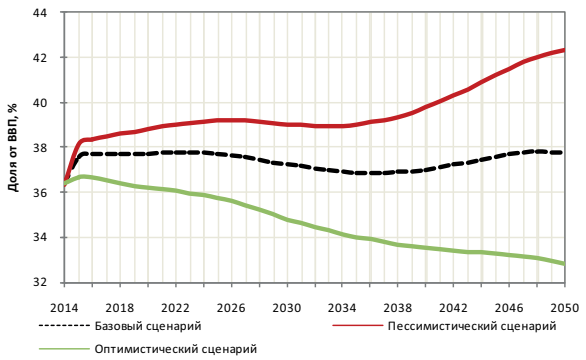
рием, при этом оптимистический сценарий предполагает их снижение до 32,8% (Рис. 12). В соответствии с базовым сценарием, предполагается, что повышение эффективности позволит снизить расходы, не связанные с возрастной структурой населения. Таким образом, рост первичных расходов бюджета вызван в основном расходами, связанными с демографической динамикой. Эти расходы увеличиваются приблизительно с 32% от общего объема расходов в 2014 году до 49% к 2015 году (Рис. 12). Доля расходов на образование остается стабильной в условиях, когда растущие доходы увеличивают спрос, однако численность молодых возрастов изменяется незначительно на протяжении прогнозного периода. Доля расходов на здравоохранение увеличивается приблизительно на 3 процентных пункта в результате возросшего спроса, вызванного как растущими доходами, так и старением населения. Вместе с тем, самое значительное увеличение государственных расходов, связанное с демографическими тенденциями, связано с трансфертами в Пенсионный фонд. Доля этих трансфертов в общем объеме непроцентных доходов растет приблизительно на 14 процентных пунктов в период до 2050 года, или приблизительно с 4% общих доходов до 8% в соответствии с тремя сценариями[6]. Кривые дефицита Пенсионного фонда отражают зависимость между уровнем ВВП и коэффициентом демографической нагрузки пожилыми. В оптимистическом сценарии самый высокий из всех трех сценариев ВВП и самый высокий коэффициент демографической нагрузки пожилыми. В 2030-е годы в результате действия этих двух факторов дефицит Пенсионного фонда оказывается выше, чем в пессимистическом сценарии. Однако, по оптимистическому сценарию к 2050 году рост ВВП начнет оказывать преобладающее воздействие, и в результате дефицит Пенсионного фонда как доля ВВП будет самым низким из трех сценариев.

При этом рост непроцентных расходов превышает рост доходов, что вызывает хронический первичный (непроцентный) дефицит в ближайшие десятилетия. В базовом сценарии ожидается увеличение долгосрочного первичного дефицита до 3% ВВП (Рис. 13). В оптимистическом сценарии дефицит увеличивается до 1,1% в среднесрочный период, а затем постепенно снижается и переходит в профицит во второй половине прогнозного периода. Напротив, пессимистический сценарий прогнозирует стремительное увеличение первичного дефицита до 6% ВВП, а затем до 9% к 2050 году.

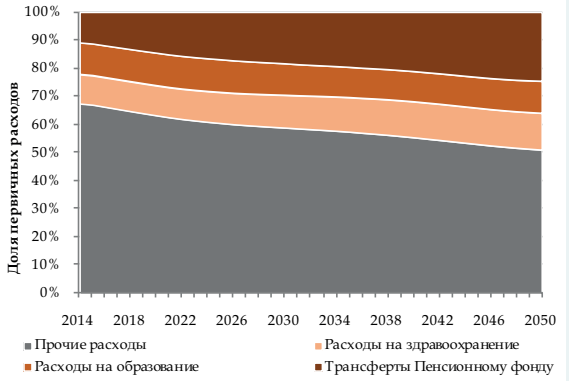
[6] Недавно в России была проведена реформа пенсионной системы. Однако во время подготовки данного доклада конкретные детали еще не были известны. Таким образом, прогнозы могут измениться, если повторить моделировании при новых параметрах системы.

Рисунок 12. Прогнозы первичных расходов в рамках трех сценариев

А. Первичные доходы бюджета



Б. Структура первичных доходов

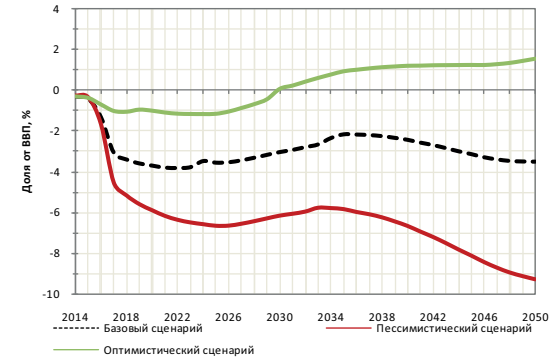


Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата и МВФ.

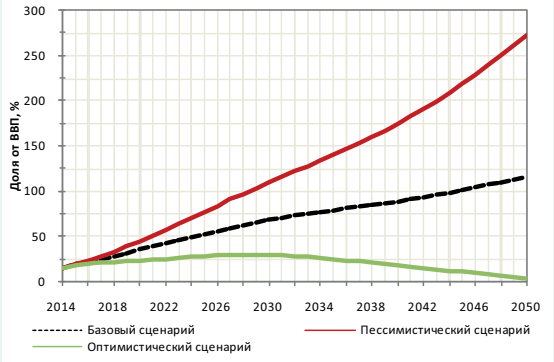
Хронический бюджетный дефицит приводит к резкому увеличению государственного долга. Прогнозируется, что общий дефицит бюджета (включая процентные платежи) останется приблизительно на уровне 4% ВВП на всем прогнозном горизонте базового сценария. Реальная процентная ставка по российскому долгу существенно ниже темпов роста ВВП[7]. И, тем не менее, в результате хронического бюджетного дефицита соотношение государственного долга и ВВП увеличивается в базовом сценарии с менее 20% в 2014 году, когда у России была одна из самых низких долговых нагрузок в мире, до 116% к 2050 году (Рис. 13). В оптимистическом сценарии государственный долг сокращается до незначительных 0,3% ВВП, но в пессимистическом прогнозе он взлетает до 272 %.

Рисунок 13. Показатели бюджетной устойчивости, 2014-50

А. Первичный баланс бюджета



Б. Уровень долга



Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата и МВФ.

Изменения в прогнозе цен на нефть наиболее сильно отражаются на показателе отношения долга к ВВП. Замена допущений базового сценария на допущения оптимистического сценария снижает показатель доли долга в ВВП на 16,8 п.п., если меняется допущение относительно производительности труда, на 24,9 п.п., если политика занятости и на

[7] Поскольку в модели используется реальная процентная ставка по внутреннему долгу в 1% и 1,2% по внешнему долгу, что гораздо ниже показателя годового роста ВВП в 2,5% в соответствии с базовым сценарием, предположения об уровне долговой нагрузки достаточно консервативны.

43,3 п.п., если цена на нефть (Табл. 4). Такое самое большое воздействие цены на нефть на показатель отношения долга к ВВП связано с тем, что изменения цен на нефть оказывают более непосредственное влияние на бюджетные доходы, чем другие изменения. Повышение производительности труда и проведение успешной политики на рынке труда также способствуют увеличению доходов, потому что нересурсный ВВП растет быстрее, однако они также требуют более высоких государственных расходов. Напротив, цены на нефть оказывают очень незначительное влияние на расходы, поэтому чистое улучшение баланса бюджета оказывается больше, чем в результате действия двух других переменных.

Таблица 4. Предельное воздействие альтернативных сценариев на отношение долга к ВВП в рамках базового сценария[a]

	Эффект рынка труда		Эффект цен на нефть		Эффект мер на рынке труда
	Высокий	**Низкий**	**Высокий**	**Низкий**	**Умеренный**
2020	-0,9	1,1	-8,5	7,0	-1,4
2030	-3,9	4,3	-21,8	29,3	-7,4
2040	-9,1	9,7	-33,8	50,8	-14,7
2050	-16,8	18,9	-43,3	70,4	-24,9

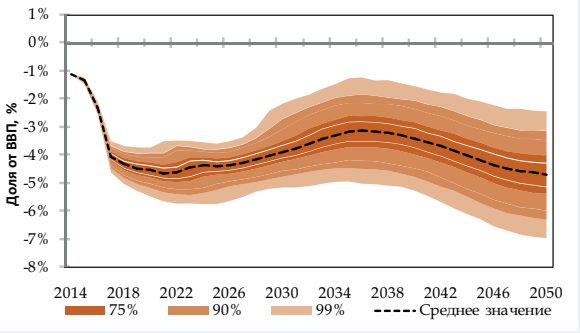
[a] Процентные пункты отклоняются от предусмотренного в базовом сценарии отношения долга к ВВП.

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата и МВФ.

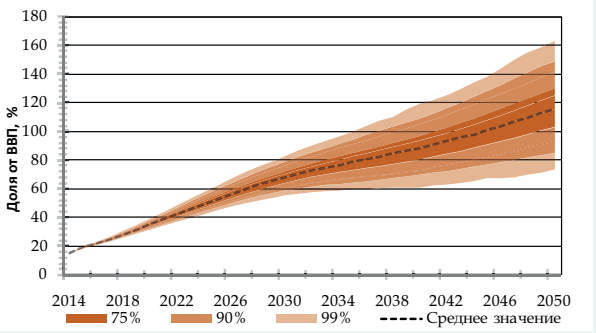
Моделирование с использованием метода Монте-Карло позволяет предположить, что показатель отношения долга к ВВП, по-видимому, будет существенно ухудшаться. На основании выборки из 500 идентичных и независимо распределенных во времени шоков имитационная модель позволяет выстроить интервалы доверия вокруг базового сценария. К 2050 году совокупный показатель дефицита составляет от 6,1% до 3,1% ВВП в 90% случаев (Рис. 14). Ожидается, что отношение долга к ВВП составит примерно от 83% до 146% с неизменной вероятностью.

Рисунок 14. Баланс бюджета и траектория накопления долга в базовом сценарии (доверительные интревалы)

А. Общий баланс бюджета



Б. Уровень долга



Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата и МВФ.

Действующее бюджетное правило не способно обеспечить накопление средств, необходимых для преодоления последствий старения населения. В 2012 году правительство Российской Федерации ввело в действие новое бюджетное правило, направленное на снижение волатильности расходов и, по сути, на сохранение части ресурсных доходов для будущего использования. В соответствии с этим правилом, расходование ресурсных

доходов ограничено гипотетическим уровнем доходов, основанным на ретроспективно определяемой базовой цене на нефть. Таким образом, когда фактическая цена на нефть превышает историческую среднюю величину, часть ресурсных доходов сберегается. Когда же цена не нефть оказывается ниже исторической средней, часть их может быть потрачена. Это правило хорошо справляется с ограничением вызываемой колебаниями цен волатильности бюджетных расходов, особенно если цены не падают более трех лет подряд. Вместе с тем, это действующее правило не способно обеспечить накопление достаточных средств для обеспечения будущих потребностей стареющего общества. Моделирование с использованием альтернативных траекторий цен показывает, что увеличение нефтегазовых доходов могло бы увеличить накопление средств в суверенных фондах. В соответствии с предположениями в рамках базового сценария, Резервный фонд достигнет установленного предельного уровня (7 % ВВП) к середине прогнозного периода, а объем Фонда национального благосостояния незначительно увеличится как доля ВВП на прогнозном горизонте. Вместе с тем, даже если не будет расходования средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) на другие цели, его объемов будет далеко недостаточно для финансирования увеличивающегося дефицита Пенсионного фонда. Всех средств этого фонда хватит на финансирование дефицита лишь на один год. Изменение бюджетного правила, направленное на гарантирование определенного ежегодного уровня сбережения (как в Чили), могло бы обеспечить достаточный уровень сбережений в будущем и способствовать финансированию краткосрочных издержек, связанных с реформами, направленными на обеспечение более устойчивой бюджетной позиции.

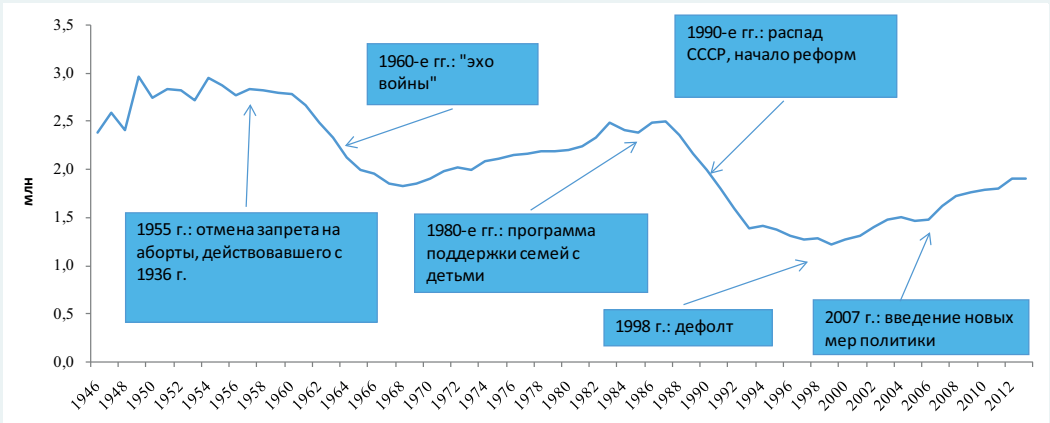
Достижение долгосрочной бюджетной устойчивости в условиях неблагоприятных демографических тенденций потребует адресных реформ, которые могут быть затратными. С учетом структурного характера бюджетных проблем, связанных со старением населения, их долгосрочные решения должны также носить структурный характер. Среди таких решений – политика на рынке труда, способствующая повышению коэффициента участия в трудовой силе, корректировка возраста выхода на пенсию и тарифов страховых взносов на пенсионное обеспечение, а также переориентация пенсионной системы на накопительные принципы. Модельные оценки показывают, что меры, способствующие повышению коэффициента участия в трудовой силе, могут сократить новый государственный долг примерно на четверть. Вместе с тем, осуществление таких реформ может усугубить нагрузку на бюджет. Важно отметить, что относительно небольшая дополнительная нагрузка в краткосрочном и среднесрочном периоде может быть целесообразной, если это поможет избежать гораздо большей нагрузки в долгосрочной перспективе.

Оперативные действия могут помочь избежать прогнозируемого ухудшения бюджетного прогноза, вызванного старением населения и структурными преобразованиями. У правительства Российской Федерации имеются бюджетные возможности создать подушку безопасности для защиты от будущих дисбалансов. За последние 15 лет, за исключением 2014 года, растущие цены на нефть, реформы налогообложения и усиление бюджетной дисциплины, особенно в начале 2000-х годов, способствовали существенному сокращению государственного долга России. За последние 10 лет отношение долга к ВВП сохранялось на низком уровне, в то время как скорректированные чистые сбережения – индикатор долгосрочной экономической устойчивости – выросли. В 2012 году этот показатель составил 13,7% валового национального дохода – приблизительно на уровне среднего показателя для стран с сопоставимым уровнем дохода. У России есть возможность скорректировать действующее бюджетное правило таким образом, чтобы накапливать ресурсы, необходимые для стабилизации экономики в краткосрочном и в среднесрочном периоде, финансировать реформы и справляться с долгосрочными бюджетными проблемами.

4. Старение населения и меры политики по поддержке семей

В условиях предстоящего сокращения рождаемости большую важность приобретают меры политики по поддержке семей, желающих иметь больше детей. Рост рождаемости в начале 2000-х годов был в основном связан с благоприятной возрастной структурой населения, что, в свою очередь, было обусловлено высокими показателями рождаемости в середине 1980-х годов. На Рис. 15 показана краткая характеристика динамики рождаемости в России. После 2014–2015 годов показатели рождаемости, по всей вероятности, начнут снижаться. Это произойдет в силу четырех причин: (1) Количество женщин, находящихся в расцвете репродуктивного возраста (20–29 лет), начало сокращаться и, как ожидается, к 2025 году сократится почти до половины численности 2010 года (Рис. 16), в то время как количество женщин, вступающих в брак в возрасте от 18 до 34 лет, уже начало уменьшаться. (2) В России подходит к завершению этап трансформации показателей рождаемости, который характеризуется тем, что частотное распределение рождений приходится на более поздний возраст (возрастная группа, на которую приходится максимальная доля рождений, уже изменилась с 20–24 лет до 25–29 лет), при этом темп восстановления отложенной рождаемости, отмечавшейся в течение переходного периода, относительно низок. (3) Подъем уровня рождаемости, который произошел вслед за введением мер по повышению рождаемости в 2007 году, как ожидается, будет ослабевать. Так, из тех, у кого появились дети после введения мер по поддержке рождаемости, лишь 6% почувствовали, что такие меры помогли им принять решение о рождении ребенка, что в противном случае было бы сложно сделать по экономическим причинам (по мнению 57% респондентов эти меры не оказали никакого воздействия, а из тех участников, которые сочли, что меры имели воздействие, примерно 75% респондентов заявили, что они лишь повлияли на сроки рождения детей)[8]. (4) Когорта родившихся в 1980–е годы, пик детородного возраста которых совпал с введением мер по поддержке рождаемости, скорее всего, происходили из семей с двумя или более детьми, в отличие от более молодых возрастных когорт, поэтому с большей вероятностью были готовы отреагировать на меры по стимулированию рождаемости.

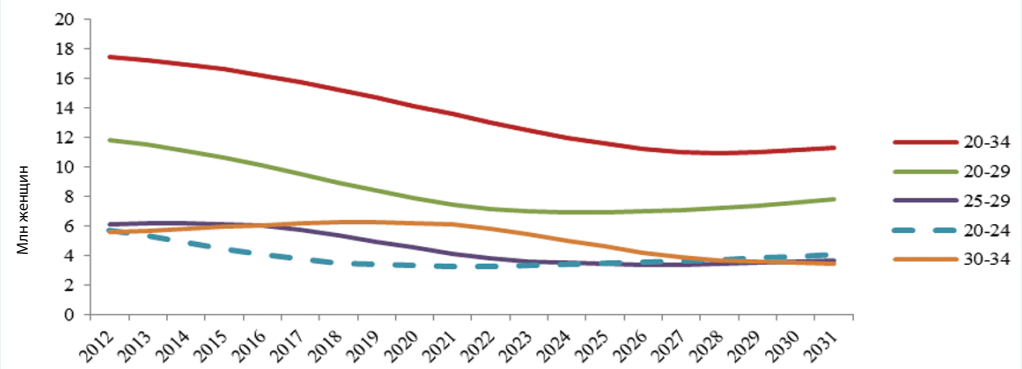
Рисунок 15. Рождаемость в России, 1946–2013 гг.



Источник: Росстат.

[8] Несмотря на то, что степень воспринимаемого эффекта мер политики усиливается с рождением каждого последующего ребенка, воздействие на сроки рождения всегда превалирует над эффектом стимулирования рождения последующих детей.

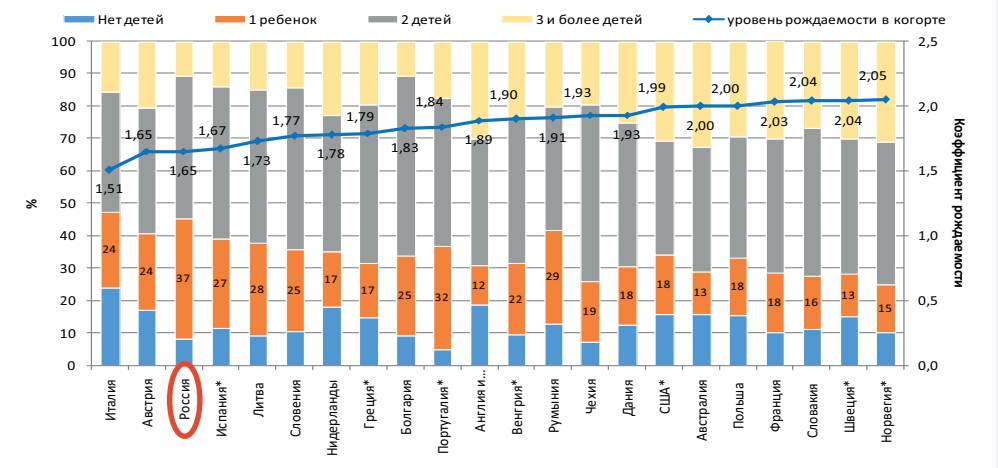
Рисунок 16. Российские женщины в расцвете репродуктивного возраста в разрезе возрастных групп



Источник: Демографический прогноз до 2030 года: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Бездетность и деторождение в более позднем возрасте все еще редкое явление в России. В то время как доля бездетных женщин в таких странах, как Италия, Англия и Нидерланды, высока, в России их доля относительно низка (Рис. 17). По данным переписи населения за 2010 год, из всех женщин пост-репродуктивного возраста только примерно у 6% не было биологических детей. Более того, в России и в других пост-коммунистических странах перенос деторождения на более поздний срок начался позднее, чем в Западной Европе, поэтому средний возраст впервые рожающих женщин ниже, чем во многих европейских странах. Согласно данным Европейской экономической комиссии ООН, средний возраст впервые рожающих женщин в России в 2009 году составлял 24,6 лет, в то время как в большинстве стран Западной Европы он превышал 28 лет. Следовательно, бездетность и отсрочка деторождения, по-видимому, не являются основными причинами низкой рождаемости.

Рисунок 17. Распределение семей по количеству детей и коэффициенты рождаемости в отдельных европейских странах, когорты 1965 г. или последних имеющихся лет



Примечание: Коэффициенты рождаемости в когорте означают количество детей, рожденных на одну женщину, среди женщин в когорте к концу детородного возраста.

** Данные когорт, помимо 1965 г.: Австралия (1962–1966 гг.); Англия и Уэльс, Швеция (1960 г.); Греция, Португалия и Испания (1963 г.); Венгрия (1964 г.); Норвегия (1953 г.); США (1953 г.).*

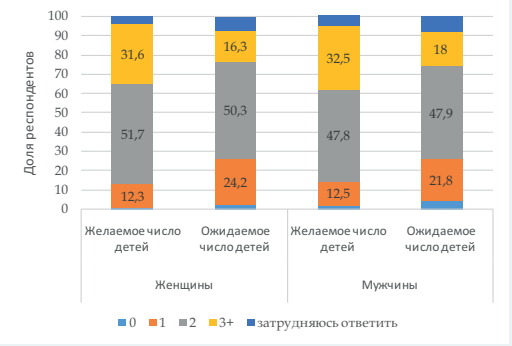
Источник: Frejka 2008 and Greulich et al. 2014

Основной причиной низкого уровня рождаемости в России является преобладание семей с одним ребенком. В 2010 году на долю семей с одним ребенком приходилось более двух третей всех семей. Если сравнивать уровень рождаемости среди когорты родившихся в 1965 году в разных странах (Рис.17), то на долю России приходится самый высокий показатель семей с одним ребенком (37% всех семей), а по количеству многодетных семей Россия занимает предпоследнее место, уступая лишь Италии (55%). Поскольку склонность к рождению второго и последующих детей, по-видимому, отличает страны с высоким уровнем рождаемости от стран с низким уровнем рождаемости (Greulich et al. 2014), основной причиной низкого уровня рождаемости в России представляется низкая численность многодетных семей.

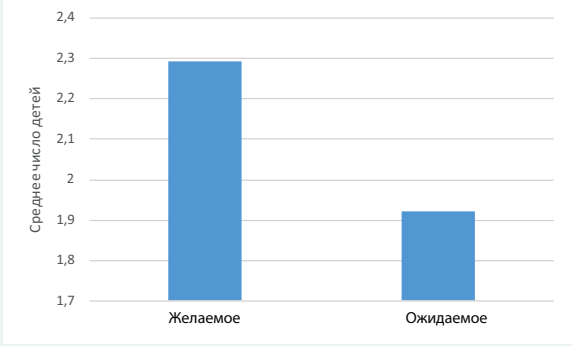
Вместе с тем большинство россиян хотели бы иметь двоих детей. Согласно опросу, проведенному в 2012 году[9], одного ребенка хотят иметь лишь около 12% женщин и мужчин (Рис. 18). Чуть более половины женщин (51,7%) и 47,8% мужчин хотели бы иметь двоих детей при наличии соответствующих ресурсов (жилья, финансов и времени). Однако, отвечая на вопрос об ожидаемом количестве детей, 24,2% женщин и 21,8% мужчин заявили, что у них будет только один ребенок. Разница между средним количеством желаемых детей (2,29) и ожидаемых (1,92) характеризует разрыв между фактическим и потенциальным уровнем рождаемости в России (Рис. 18). Такие предпочтения также указывают на то, что стимулировать граждан иметь больше двух детей будет непросто.

Рисунок 18. Желаемые и ожидаемые показатели рождаемости среди российских мужчин и женщин, 2012 г.

А. Распределение желаемого и ожидаемого числа детей



Б. Среднее число желаемого и ожидаемого числа детей



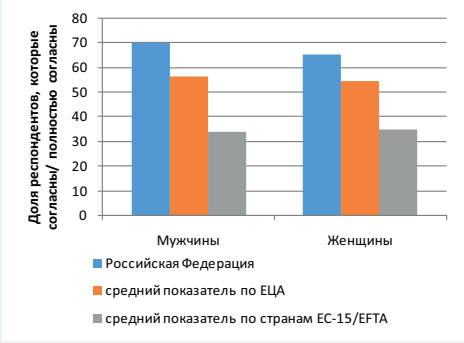
Источник: Росстат, 2013 г.

Российские женщины стоят перед выбором между материнством и работой, при этом традиционные установки смещают приоритеты в сторону материнства. Стремление сделать профессиональную карьеру или необходимость пополнять семейный бюджет могут увеличить альтернативные издержки, связанные с рождением детей, – особенно в тех случаях, когда трудно найти компромисс между работой и желанием иметь детей. Женщинам, имеющим одного ребенка, хорошо известно, чем приходится пожертвовать ради материнства, поэтому желание родить второго ребенка будет в большой степени зависеть от их умения сочетать работу и семью. В России обязанности по воспитанию детей осложняют женщинам возможности сочетать семью и работу. Согласно данным Европейского социального исследования (ESS) 2008 года, около 66% женщин и почти 70% мужчин поддержали либо твердо поддержали следующее утверждение: «Женщины должны быть готовы к сокращению оплачиваемой трудовой деятельности ради семьи» (Рис. 19), в то время как в

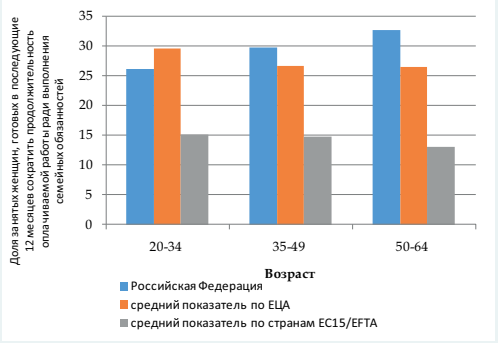
[9] Росстат провел исследование показателей деторождения в сентябре–октябре 2012 г. Результаты см. Росстат 2013.

Рисунок 19. Нормы выполнения семейных обязанностей в России

А. Согласие с утверждением «Женщины должны быть готовы к сокращению оплачиваемой трудовой деятельности ради семьи»



Б. Вероятность сокращения оплачиваемой трудовой деятельности ради семейных обязанностей



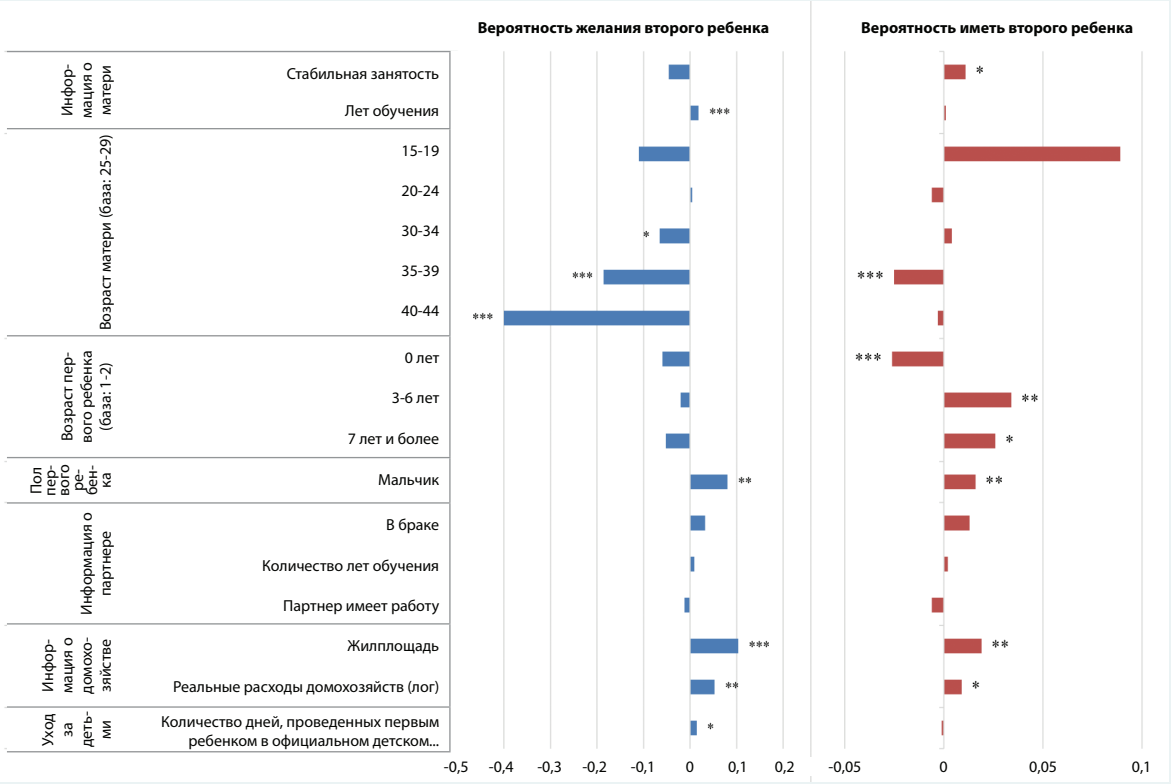
Источник: Данные Европейского социального исследования (ESS) за 2008 год.

15 странах-членах Евросоюза/Европейской зоны свободной торговли (ЕС-15/EFTA) с этим утверждением согласились около 33%, а в странах ЕЦА – менее 60% респондентов. Учитывая дефицит доступных возможностей по уходу за детьми, многие занятые российские женщины – от четверти до трети в зависимости от возрастной группы – работают меньше, чем они хотели бы, в силу семейных обязанностей. Это существенно более высокая доля, чем в странах ЕС-15/EFTA, и выше, чем в среднем в странах ЕЦА среди женщин в возрасте старше 35 лет.

Российские женщины, имеющие стабильную работу и доступ к официальным услугам по уходу за детьми, положительно относятся к идее родить второго ребенка. С учетом контроля факторов, коррелирующих с показателями рождаемости, стабильная занятость ассоциируется со значительно более высокой вероятностью родить второго ребенка (Рис. 20). Бóльшая жилая площадь, более высокий уровень расходов домохозяйств и наличие первого ребенка-сына в возрасте от 3 лет коррелируют с большей вероятностью родить второго ребенка. В то же время для женщин, родивших первого ребенка в возрасте от 35 до 39 лет, вероятность родить второго ребенка ниже. Что касается стремления к рождению детей, то матери с более высоким уровнем образования, обладающие бóльшими ресурсами, старший ребенок которых посещает детское учреждение, чаще и с большей вероятностью желают иметь второго ребенка.

Начиная с 2006 года в России внедрен ряд мер политики по стимулированию рождаемости. С самого начала акцент был твердо сделан на увеличении числа рождений второго ребенка. К числу стратегических изменений, внедренных в 2006 году и реализованных в 2007 году, относятся увеличение детских пособий (на детей до 18 месяцев), льготы на дошкольное образование, увеличение номинальной стоимости родовых сертификатов по ведению беременности и уходу за новорожденными, введение значительного финансового трансферта (материнского или семейного капитала), предоставляемого при рождении второго ребенка, предоставление ежемесячных пособий на ребенка для неработающих женщин и увеличение размера пособий на второго и последующих детей, увеличение размера льгот на детские сады для второго и последующих детей. В 2008 году несистемная индексация семейных пособий была заменена на механизм регулярной индексации социальных пособий и платежей с учетом инфляции. Налоговые вычеты на детей также ста-

Рисунок 20. Показатели ожидаемой и фактической рождаемости с учетом социально-демографических показателей



*Примечание: Длина столбца указывает на оценочный предельный эффект в пробит модели регрессии. Звездочки показывают статистическую значимость отношения: * p<0.1, ** p<0.05, *** p<0.01.*

Источник: расчёты авторов на основе данных RLMS-HSE.

ли дифференцироваться с учетом порядка рождения ребенка. Федеральные программы были дополнены региональными мерами разного уровня по поддержке семей, при этом щедрость программ зависела от наличия средств, а не от серьезности демографического кризиса. Между тем в 2013 году 50 регионов с неблагоприятной демографической ситуацией и общими показателями рождаемости ниже средних значений по стране получили до 90% софинансирования из средств федерального бюджета, однако к 2018 году доля софинансирования будет сокращена до 50%.

Несколько других мер с целью способствовать совмещению женщиной материнства и занятости были введены на федеральном уровне с разной степенью успешности. В 1996 году пособия по уходу за детьми были предоставлены отцам; кроме того, отцы получили право на получение материнского (семейного) капитала при отсутствии матери. Несмотря на то, что права на занятость беременных женщин и матерей с малолетними детьми защищены российским законодательством, эти законы редко исполняются, при этом суды зачастую отклоняют иски о несправедливом отношении и дискриминации (World Bank 2014). У предприятий есть мотивация к найму работников из больших семей. Матерям, выходящим после декретного отпуска, предоставляется бесплатное обучение (около 23 000 женщин воспользовались этой возможностью в 2012-2013 годах). Кроме того, отмечается некоторое улучшение доступа к дошкольным учреждениям, однако широко распространенная система продленного дня и внеклассных занятий для учащихся, существовавшая в Советском Союзе, была в значительной степени разрушена в 1990-е годы.

Принятый в России пакет мер по стимулированию рождаемости чрезмерно сосредоточен на финансовых трансфертах. Российские меры сосредоточены на финансовой помощи семьям с малолетними детьми (до 18 месяцев) и на сохранении рабочих мест для женщин в рамках продолжительного декретного отпуска. В результате многие матери с детьми в возрасте полутора лет, пополнив длинную очередь в государственный детский сад, вынуждены находиться в неоплачиваемом декретном отпуске. Акцентируя внимание на денежных пособиях и способствуя тому, чтобы женщины оставались дома для ухода за детьми, Россия рискует повторить опыт Германии, которая столкнулась с весьма низкими показателями рождаемости, несмотря на высокий уровень инвестиций в единовременные пособия и налоговые льготы для супружеских пар с детьми (Greulich et al. 2014). В скандинавских странах напротив основное внимание уделяется поддержке работающих родителей малолетних детей за счет расширения инфраструктуры детских учреждений и опоры на кратковременные, но щедро оплачиваемые отпуска для родителей по уходу за ребенком, в том числе для поощрения участия отцов в заботе о детях (Thévenon 2011). В этих странах впервые с середины 1980-х годов отмечено повышение уровня рождаемости (Ronsen 2004).

Для повышения уровня рождаемости необходим более комплексный подход. Несмотря на то что возрастная структура населения является наиболее важным фактором, определяющим уровень рождаемости, меры политики могут поспособствовать созданию благоприятных условий, при которых семьи могут реализовать поставленные цели в области рождаемости, не принося в жертву собственный уровень жизни и не усиливая уязвимость к потрясениям. Финансовые трансферты могут поддержать уровень благосостояния многодетных семей с низким уровнем доходов. Поощрение более справедливого гендерного равенства в семье и на работе позволит улучшить баланс между трудом и материнством для женщин (Billari 2008). К таким мерам политики можно отнести представление мужчинам отпуска по уходу за ребенком для вовлечения отцов в воспитание детей; а также сокращение гендерного разрыва в оплате труда путем повышения уровня квалификации женщин, устранения правовых и нормативных препятствий для женщин занимать рабочие места традиционно «зарезервированные» за мужчинами, введения квот для помощи женщинам в преодолении «стеклянного потолка» и поддержки информационно-разъяснительных кампаний для сокращения гендерных стереотипов (World Bank 2014). Более того, принимая во внимание отмечаемую положительную связь между ростом ВВП и ростом рождаемости в последние десятилетия, меры по поддержке стабилизации экономики могут обеспечить россиянам благоприятные условия для создания и пополнения семей.

Поддержка стабильной занятости как матерей, так и отцов, является важным условием для повышения рождаемости. Меры политики, направленные на улучшение условий труда для молодых (или потенциальных) родителей, могут ослабить неопределенность и нестабильность, препятствующие рождению детей. Так, высокий уровень безработицы, по-видимому, также, способствует отсрочке и со временем сокращению числа рождений второго ребенка (Adserà 2011). Предоставление достаточных возможностей для повышения квалификации и переобучения могут способствовать как повышению шансов на трудоустройство, так и росту доходов родителей. Это, в свою очередь, позволит ослабить финансовое напряжение, связанное с рождением еще одного ребенка, и уменьшить уязвимость семей к будущим потрясениям. Налоговые вычеты на детей могут стать стимулом для возвращения матерей к работе и поддержать располагаемые доходы семей. Введение налоговых вычетов имело положительный эффект в США (Georgellis and Wall 1992), Канаде (Zhang et al. 1994) и Тайване (Huang 2002). Для того чтобы такие вычеты более эффективно стимулировали рождаемость и занятость женщин, можно расширить их охват путем перехода от действующей практики установления максимального размера оплаты труда на индивиду-

альной основе к установлению порогового уровня с учетом дохода домохозяйств. Таким образом, можно будет расширить доступ для домохозяйств. Более того, информационные кампании могли бы повысить осведомленность семей о наличии налоговых вычетов на детей по подоходному налогу, а также о помощи в расчете налогов для семей с двумя или более детьми. Наконец, следует рассмотреть возможность сокращения продолжительности декретного отпуска: чрезмерно продолжительный декретный отпуск может привести к снижению вероятности возвращения женщин на рынок труда в связи с потерей квалификации.

Повышение доступности качественных услуг по уходу за детьми может помочь женщинам сочетать материнство и работу. Существуют убедительные доказательства того, что повышение охвата детскими учреждениями может положительно сказаться на вероятности рождения первого и последующих детей (например, Baizán 2009 в отношении Испании; Del Boca et al. 2003 в отношении Дании, Италии, Нидерландов и Испании; Bauernschuster et al. 2013 в отношении Германии). Длинные очереди в государственные детские сады в России и отсутствие частных учреждений по уходу за детьми создают серьезные препятствия для матерей, которые предпочли бы вернуться к трудовой деятельности, но обязаны ухаживать за малолетними детьми. Совершенствование использования демографических прогнозов региональными органами власти позволит улучшить планирование развития детских садов, в том числе в строительстве новых зданий или расширении имеющихся площадей. Инновационные подходы к проектированию, строительству и использованию сооружений, а также реформы нормативно-правовой базы могут оказать поддержку созданию более эффективных многоцелевых учреждений, которые также помогут дошкольным учреждениям адаптироваться к будущим демографическим колебаниям. Усиление поддержки альтернативных центров дошкольного развития детей, таких как группы домашнего обучения под руководством обученных родителей, связанные с центром дошкольного развития детей, а также учебные группы частичного дневного обучения в действующих центрах дошкольного развития детей могут ослабить чрезмерный спрос на услуги по предоставлению качественной заботы о детях.

5. Поддержка активной старости

Более активное использование работников старшего возраста на рынке труда является ключевым условием для достижения процветания в пожилом возрасте. По мере того как Россия сталкивается с перспективой старения и сокращения численности работоспособного населения, пропаганда активной старости, которая предполагает сохранение работниками продуктивной занятости в течение более длительного времени, может помочь России в полной мере воспользоваться преимуществами увеличения продолжительности жизни. Решение продолжать трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста обусловлено как необходимостью, так и возможностями. В конце 1990-х годов низкий уровень пенсий и задолженность по их выплате были основными причинами, по которым пенсионеры продолжали трудовую деятельность и работали удлиненный рабочий день (Kolev and Pascal 2002; Gerber and Radl 2014). Данный вопрос рассматривается с учетом последних данных обследования домохозяйств на основе RLMS-HSE, а также сведений, полученных в фокус-группах с участием работодателей и работников старшего возраста/пенсионеров (Schwarz et al. 2014).

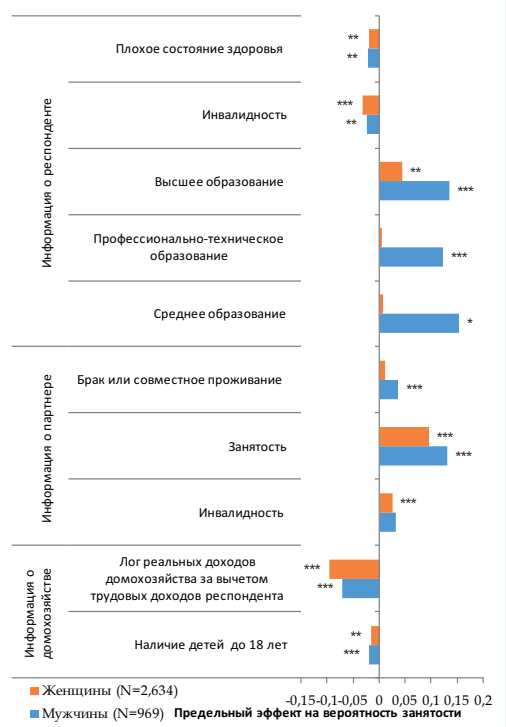
Состояние здоровья является важным фактором при принятии решения о выходе на пенсию. Что касается женщин, то плохое состояние здоровья значимо влияет на принятие таких решений. Что касается мужчин, то плохое состояние здоровье по собственным оценкам не влияет на принятие таких решений, в то время как диагностированная ишемическая болезнь сердца влияет (Рис. 21). Аналогичным образом, согласно данным проведенного Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) Исследования проблем глобального старения и здоровья взрослых людей (SAGE), у российских работников старшего возраста по сравнению с неработающими сверстниками отмечаются более высокие объективные показатели функциональной диагностики, такие как ходьба, и реже встречаются сердечные заболевания, такие как гипертония, ишемическая болезнь сердца, инсульт и артрит (Максимова 2014). Наконец, качественное исследование, проведенное на основе данных фокус-групп, свидетельствует о том, что состояние здоровья является основной причиной выхода на пенсию работников более старшего возраста – как по собственному желанию, так и по инициативе работодателей.

Благодаря высокому уровню человеческого капитала российские граждане продлевают свою трудовую деятельность. В 2012 году вероятность сохранения занятости среди российских пенсионеров с высшим образованием была выше (при этом вероятность занятости женщин с высшим образованием была на 4 пп выше, а у мужчин – на 13 пп выше). Для мужчин наличие профессионально-технического образования также указывает на более высокую вероятность занятости после достижения пенсионного возраста. Вероятность последующего выхода на пенсию женщин с высшим образованием на 6 пп ниже, чем среди менее образованных женщин, которые в остальном обладают теми же признаками. Данные фокус-групп свидетельствуют о том, что существенным фактором при увольнении работников старшего возраста по инициативе работодателя являются устаревшие навыки, а также о серьезном разрыве между квалификацией российских пенсионеров и требованиями на рынке труда.

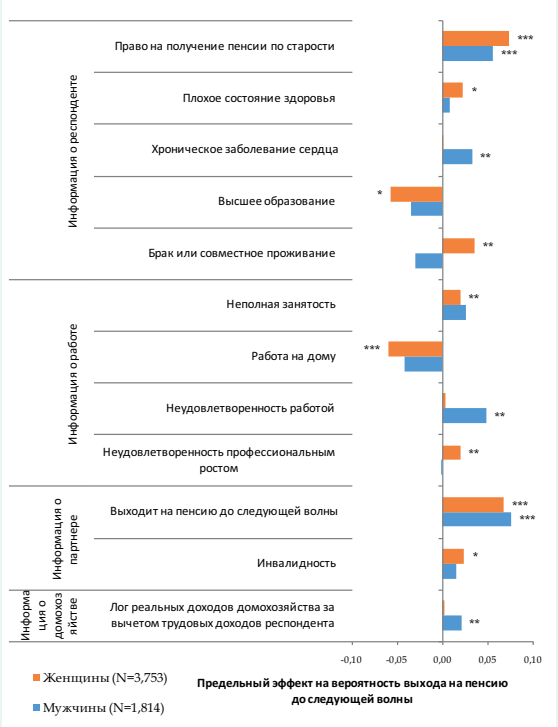
Большинство российских супружеских пар предпочитают выходить на пенсию вместе. Наличии работающей супруги статистически (и экономически) значимо повышает вероятность занятости супруга пенсионного возраста на 13 пп. При этом вероятность занято-

Рисунок 21. Корреляция решений о занятости/выходе на пенсию россиян старшего возраста

А. Характеристики работающих пенсионеров, 2010 г.



В. Вероятность выхода на пенсию, 2009–2012 гг.



*Примечание: Предельный эффект; значимые уровни: *p<0,1; **p<0,05; ***p<0,01.. Другие коэффициенты, включенные в регрессию, не представлены на рисунке в силу пространственных ограничений (полные результаты см. в Levin (2015).*

Источник: расчеты авторов на основе данных RLMS-HSE.

сти супруги пенсионного возраста при работающем муже-пенсионере несколько ниже, но все же на уровне значимого повышения вероятности быть занятым в 9 пп. Более того, по данным респондентов, решение партнера о выходе на пенсию повышает их собственную вероятность выхода на пенсию на 7-8 пп.

Многие россияне старшего возраста продолжают работать, потому что нуждаются в деньгах. Для населения пенсионного возраста доход домохозяйства на душу населения (за вычетом трудовых доходов, полученных респондентами) на 10 пп ниже для работающих женщин и на 7 пп ниже для работающих мужчин по сравнению с их неработающими сверстниками. Уровень доходов также положительно влияет на выход на пенсию, хотя такие оценки статистически менее точны. В фокус-группах многие работники старшего возраста утверждали, что основной причиной сохранения занятости является нуждаемость.

Гибкий график работы и возможности для профессионального роста влияют на решение о выходе на пению. Для российских женщин старшего возраста возможность работать на дому, по-видимому, коррелирует с отсрочкой выхода на пенсию. Это может быть связано с возможностью сочетать трудовые и домашние обязанности. Так, пожилые участники фокус-групп отмечали, что гибкий график работы (неполный рабочий день, сезонная и временная работа) является важным фактором, который может убедить их продолжить работу на том же месте после достижения пенсионного возраста. Вероятность выхода на

пенсию в течение года после достижения пенсионного возраста среди пожилых мужчин, которые («в основном» либо «совсем») не довольны своей текущей работой, на 5 пп выше, чем среди довольных. Для женщин старшего возраста важна возможность профессионального роста. Вероятность выхода на пенсию среди недовольных своей работой женщин на 2 пп выше. Это подтверждает состояние неудовлетворенности, о котором свидетельствуют пожилые россияне в фокус-группах, говоря о наличии только «непрестижной», монотонной и неквалифицированной работы для пенсионеров, которая не требует от них использования их навыков или интеллектуальных способностей. Так, согласно оценкам Росстата (2013 г.), 20,5% населения в возрасте от 60 до 72 лет были заняты в неформальном секторе; работа в неформальном секторе может обеспечить необходимый дополнительный доход и гибкий график работы, однако при этом квалификация пенсионеров будет востребована не в полной мере.

Не исключено, что социальные нормы, связанные с правом на труд, способствуют вытеснению пожилых россиян с рынка труда. Во многих странах, в том числе в России, существует общепринятое представление о том, что работники более старшего возраста препятствуют возможности молодым найти работу. В исследовании «Поколения и гендер», проведенном в 2004-2008 годах в России, россияне были более склонны, чем респонденты в большинстве других стран, согласиться со следующим утверждением: «В условиях дефицита рабочих мест при трудоустройстве следует отдавать предпочтение молодежи, а не старшему поколению».

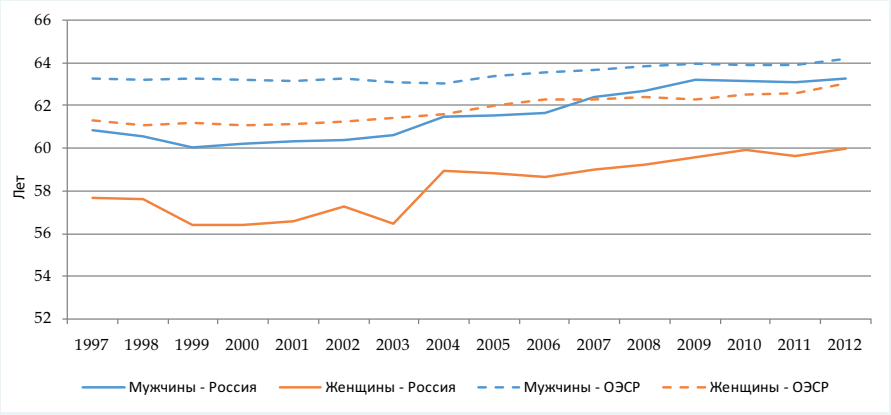
Наконец, негативное отношение работодателей к работникам более старшего возраста может стать серьезным препятствием для продолжения их трудовой деятельности. Несмотря на то, что по данным фокус-групп некоторые российские работодатели считают работников старшего возраста более надежными и имеющими более положительное отношение к труду, чем молодежь, результаты также указывают на устаревшие представления об ухудшении физического здоровья и умственных способностей среди более пожилых работников и о возможной социальной напряженности между молодыми и пожилыми работниками. Более того, по свидетельству фокус-групп, лица старше 40–45 лет даже не рассматриваются при конкурсном замещении на вакантные должности. Это свидетельствует о том, что воспринимаемая производительность более пожилых работников уступает производительности их более молодых коллег, в то время как на самом деле частичная утрата навыков среди более пожилых работников, таких как, например, быстрота мышления и физическая сила, компенсируется за счет таких качеств как вербальные навыки, развитые социальные навыки и обширный опыт (Bussolo et al. 2015).

Несмотря на то что российская пенсионная система явно не содержит негативные стимулы для трудовой деятельности, официально установленный возраст выхода на пенсию очень низок. Право на получение пенсии по старости для мужчин наступает по достижении 60 лет, а для женщин – 55 лет, а право на социальную пенсию – по достижении 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Такой относительно низкий возраст для получения пенсий иногда оправдывается низкой продолжительностью жизни в России, которая (по состоянию на 2011 год) составляет 64 года для мужчин и 76 лет для женщин. Однако более достоверный показатель продолжительности жизни для анализа пенсионных вопросов определяется не от даты рождения, а от выхода на пенсию. По данным актуарного прогноза Пенсионного фонда Российской Федерации в 2010 году средний период дожития для 60-летних мужчин составлял 14,3 лет, а для 55-летних женщин – 23,9 лет. Это означает, что ожидаемая продолжительность выплаты пенсий в России меньше среднего срока в странах ОЭСР для мужчин (17 лет), но существенно выше среднего показателя в странах ОЭСР для женщин (20,3 лет; OECD 2011). Более того, существенная доля пожилых работников (напри-

мер, работники опасных производств или занятые в суровых условиях, а также учителя и работники сферы здравоохранения с большим стажем работы) имеют право на получение пенсий до наступления официально установленного относительно низкого пенсионного возраста. Около 35% лиц начинают получать пенсию до достижения установленного пенсионного возраста, а 30% женщин и 20% мужчин уже получают пенсии к моменту достижения 50-летнего возраста (OECD 2011).

Однако многие российские граждане продолжают работать после достижения установленного законом пенсионного возраста. С учетом того, что размер пенсионных выплат традиционно весьма низок (хотя размер пенсий существенно повысился с 2008 года), и что получению пенсий не предшествует проверка доходов на нуждаемость, многие россияне продолжают работать после достижения пенсионного возраста. Так, фактический возраст выхода на пенсию составляет 63,3 года для мужчин и 60 лет для женщин, который все еще ниже среднего уровня в странах ОЭСР на 0,9 лет для мужчин и на 3 года для женщин (Рис. 22). Средний фактический возраст выхода на пенсию мужчин приближается к стандарту в странах ОЭСР, установленному в 1997 году, в то время как средний возраст среди женщин серьезно отстает от этого показателя. Более того, тот факт, что до достижения официального пенсионного возраста практически каждый претендует на выплату пенсий в полном объеме, серьезно подрывает устойчивость бюджета пенсионной системы.

Рисунок 22. Средний фактический возраст выхода на пенсию в России и странах ОЭСР по гендерному признаку, 1997–2012 гг.



Источник: ОЭСР 2014.

В результате проведенной недавно пенсионной реформы были повышены стимулы для увеличения продолжительности трудовой деятельности и отсрочки получения пенсий. Несмотря на то что в рамках реформы, которая вступила в силу с 2015 года, не предусмотрено повышение пенсионного возраста, был введен ряд других нововведений: увеличен обязательный страховой стаж для получения пенсий до 15 лет (он будет постепенно повышаться с действующих 5 лет в течение 2015–2025 годов), введен критерий накопления не менее 30 индивидуальных пенсионных баллов (на основе взносов) и значительно повышен размер пенсии в случае продолжения трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста. Однако детали перехода от условно-накопительной системы к балльной системе до конца не ясны, что осложняет населению принятие решений о выходе на пенсию. В условиях такой неопределенности для многих выход на пенсию как можно раньше по-прежнему является наиболее привлекательным вариантом. Многочисленные изменения, внесенные в пенсионные правила за последние 20 лет, лишь способствуют принятию населением недальновидных решений.

Возможности частичной занятости и гибкий график работы встречаются редко, что может сдерживать занятость среди работников старшего возраста. Согласно Трудовому кодексу, работники, занятые неполный рабочий день, обладают теми же правами, что и работники, занятые полный рабочий день. Вместе с тем, согласно оценкам Росстата, лишь 5% работников в 2012 году работали менее 30 часов в неделю. Несмотря на то, что 21% женщин и 12% мужчин в возрасте от 60 до 72 лет работали неполный рабочий день, эти показатели, как показывает онлайн база данных Евростата, намного уступают средним показателям по странам Евросоюза: 52% для мужчин и 67% для женщин в возрасте 65 лет и старше. Более ранние исследования указывают на то, что занятость неполный рабочий день выбирают лишь те, кто не может трудоустроиться на полный рабочий день (Tchetvernina et al. 2001 со ссылкой на Cazes and Nesporova 2003). Является ли это утверждение актуальным до сих пор и насколько важна для работников разных возрастных групп неполная занятость, является серьезным предметом будущих исследований.

Правительство предпринимает согласованные усилия по привлечению на рынок труда граждан с ограниченными возможностями. Пенсии по инвалидности выплачиваются в полном размере независимо от рода занятости индивида, а взносы в Пенсионный фонд, уплачиваемые за лиц с ограниченными возможностями на протяжении их трудовой деятельности, учитываются при расчете размера пенсии по инвалидности. Несмотря на наличие некоторых ограничений в отношении количества рабочих часов в неделю для лиц в ограниченными возможностями, Трудовой кодекс требует оплачивать в полном размере работу по сокращенному графику, что может служить отрицательным стимулом при найме таких сотрудников на работу. С другой стороны, работники с ограниченными возможностями имеют приоритетный доступ к программам переобучения и к специальным программам создания рабочих мест; на предприятиях, насчитывающих более 100 работников, имеются квоты для найма работников с ограниченными возможностями; предприятия, нанимающие работников с ограниченными возможностями, имеют право на получение вычетов из налогооблагаемой базы по уплате налогов на прибыль и на фонд оплаты труда, а также на льготы при страховании от несчастного случая (хотя получение таких льгот является сложной и длительной процедурой). Доля получателей пенсий по инвалидности в общей численности работающих пенсионеров увеличилась с 22,5% в 2006 году до 31,6% в 2011 году (Табл. 5).

Таблица 5. Доля работающих пенсионеров в разрезе видов получаемой пенсии, %

	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Все пенсии	24,5	26,5	28,4	30,0	31,2	32,4
Трудовая пенсия	28,2	30,5	32,7	34,3	34,9	36,4
Пенсия по инвалидности	22,5	23,0	23,5	24,3	30,7	31,6
Пенсия по случаю потери кормильца	0,8	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7

Примечание: Росстат изменил методологию учета численности пенсионеров в 2010 году. Согласно информации, цифры за 2006–2009 рассчитываются в соответствии с новой методологией.

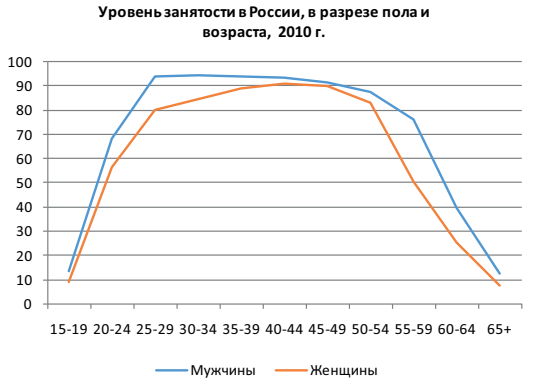
Источник: Росстат 2012 («Социальное положение и уровень жизни населения России за 2012 г.»).

Россия имеет большие возможности для привлечения на рынок труда женщин и лиц пожилого возраста. Показатели занятости женщин, находящихся в расцвете детородного возраста (25-39 лет), а также достигших законодательно установленного пенсионного возраста в 55 лет, существенно уступают показателям мужчин (Рис. 23А). Меры политики по улучшению баланса между семейной и трудовой жизнью могут улучшить показатели занятости среди молодых женщин, а пересмотр пенсионного возраста (см. страницу ниже) может способствовать повышению занятости среди женщин старшего возраста. Если срав-

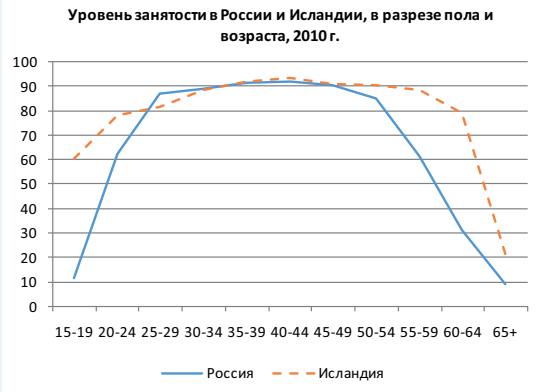
нить показатели России и некоторых других стран, то можно получить представление о возможностях по улучшению показателей занятости. Наиболее крайним примером служит Исландия, где показатель занятости населения самый высокий в Европе; в 2010 году доля взрослого (от 15 лет) экономически активного населения составляла 74,5%, в то время как в России этот показатель был равен 63%. В большой степени эта разница объясняется более высоким показателем экономической занятости среди работников в возрасте старше 50 лет (Рис. 23Б). В России на долю активного населения в возрасте от 60 лет приходится 40% мужчин и примерно 25% женщин, в то время как в Исландии эти показатели составляют 85% для мужчин и 73% для женщин. Таким образом, в принципе, для продолжения трудовой деятельности россиян имеется значительный потенциал. Однако достижение таких высоких показателей экономической активности станет возможным только при условии устранения многих других ограничений, влияющих на состояние здоровья, квалификацию и мобильность пожилых.

Рисунок 23. Возможности по повышению уровня занятости населения в России

А. Преодоление гендерного разрыва



Б. Активация лиц старшего возраста

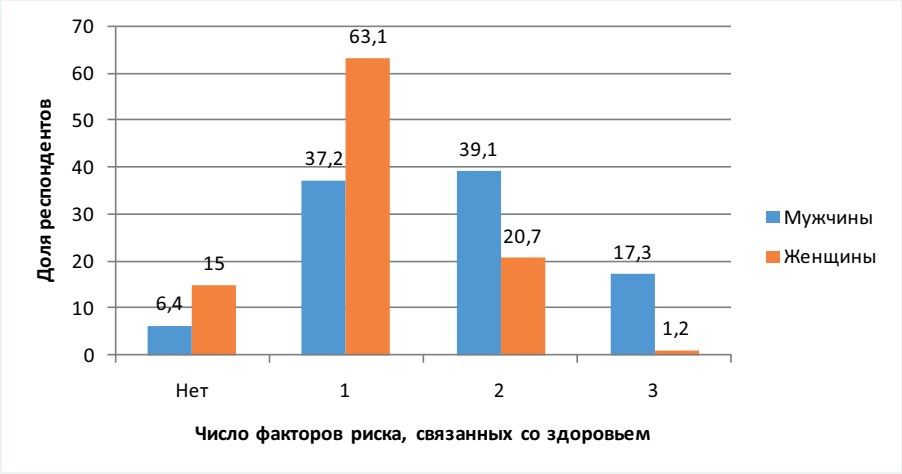


Источник: данные МОТ.

Пропаганда здорового образа жизни, наряду с акцентом на превентивную медицину и раннюю диагностику, могут помочь российским работникам продлить трудовую деятельность и повысить удовлетворенность жизнью. Почти 94% мужчин и 85% женщин в возрасте от 50 до 79 лет курят, недостаточно занимаются физкультурой, не употребляют в пищу достаточно фруктов и овощей (Рис. 24), а около 8% взрослого населения в возрасте старше 50 лет злоупотребляют спиртными напитками. Тамара Максимова (Максимова 2014) также выделяет ряд заболеваний, таких как стенокардия, астма и депрессия, которые, если судить по собственному признанию россиян старшего возраста в рамках исследования SAGE, встречаются намного реже, чем по оценкам распространения заболеваний на основе симптомов. Это свидетельствует о важности проведения разъяснительной работы среди населения об этих заболеваниях и об их симптомах.

Стимулирование предприятий к внедрению политики в отношении более пожилых работников может способствовать продлению их трудовой деятельности и повышению производительности. Производительность труда работников старшего возраста может быть такой же, как и у молодых работников с учетом адаптации условий труда для компенсации снижения физических возможностей, а формирование коллективов из работников разных возрастов может повысить производительность как более пожилых, так и молодых работников (Bussolo et al. 2015). В России продление трудовой деятельности может принести немалые выгоды, учитывая, что половина взрослого населения в возрасте 50

Рисунок 24. Угрозы здоровью россиян в возрасте от 50 до 79 лет



Примечание: Факторы риска включают курение, недостаток физических упражнений и недостаточное употребление фруктов и овощей.

Источник: Максимова (2014) на основе данных исследования SAGE, проведенного ВОЗ в России (2007–2010 гг.).

лет и старше имеет высшее образование, а еще 30% имеет профессионально-техническое образование. Кроме того, такая возможность представляется реальной, учитывая тот факт, что согласно данным Росстата 2012 г. большинство работников старшего возраста заняты в сфере услуг, где физическая нагрузка зачастую не так высока, как в других отраслях. Действующие инициативы по адаптации условий труда для привлечения работников с ограниченными возможностями могут быть дополнены информацией и пропагандой о менее затратных вариантах адаптации условий труда для работников с ограниченными возможностями – особенно в отраслях с растущей долей пожилых работников.

Выравнивание пенсионного возраста для мужчин и женщин может способствовать продлению трудовой деятельности и улучшению горизонтального равенства в российской пенсионной системе. Более низкая по сравнению с женщинами продолжительность жизни мужчин наряду с более поздним пенсионным возрастом приводит к тому, что на момент выхода на пенсию гендерный разрыв показателей дожития составляет 10 лет (OECD 2011). Поскольку в действующей пенсионной страховой формуле пенсионные выплаты не индексируются с учетом ожидаемого срока выплат[10], выплаты пенсий для мужчин, по всей вероятности, будут меньше, чем для женщин. Более того, повышение законодательно установленного пенсионного возраста для женщин до уровня мужчин может способствовать продлению трудовой деятельности для обоих полов, учитывая, что российские супружеские пары предпочитают выходить на пенсию вместе.

Создание негативных стимулов для раннего выхода на пенсию трудоспособных россиян путем повышения пенсионного возраста, коррекции пенсионных выплат и переноса бремени по финансированию пенсий с государства на работодателей может способствовать продлению трудовой деятельности и улучшению условий труда. Можно пересмотреть длинный перечень профессий, работники которых имеют право на досрочный выход на пенсию, проанализировав действующие условия труда, средний возраст и состояние здоровья на момент выхода на пенсию в каждой сфере деятельнос-

[10] В рамках реформы накопительной части пенсии начиная с 2016 года учитывается уровень дожития (Федеральный закон ФЗ-424 «О накопительных пенсиях»).

ти (многие работники продолжают работать на том же месте в тяжелых условиях, получая при этом досрочную пенсию). Более того, можно более тщательно изучить вопрос об издержках, связанных с выплатой досрочных пенсий; в рамках пенсионной реформы в 2013 году некоторые затраты были уже перенесены на работодателей отдельных профессий за счет введения дополнительных ставок отчислений в размере от 2 до 8% от фонда оплаты труда. Один из вариантов – увязать ставку налога с выплатой досрочных пенсий за прошлые периоды с тем, чтобы повысить ответственность работодателей за обеспечение более безопасных условий труда.

Повышение прозрачности системы социального страхования является важным условием повышения эффективности предусмотренных системой стимулов. Как и в случае с любой комплексной реформой, вопросы доверия и качества реализации могут быть не менее важными факторами оценки ожидаемых изменений, чем разработка дизайна системы. Неопределенность, связанная с ценностью пенсионных баллов для оценки размера пенсии, может ослабить мотивацию следовать предусмотренным системой стимулам и привести к смещению предпочтений в сторону небольших, но надежных выплат вместо крупных, но неопределенных платежей. Важно, чтобы правительство определило четкую и, что еще более важно, – предсказуемую стратегию оценки пенсионных баллов. Проведение широкомасштабной общественной информационной кампании для разъяснения целей и элементов новой пенсионной системы можно дополнить взаимодействием с социальными работниками, региональными подразделениями Пенсионного фонда и организациями, помогающими пенсионерам и лицам предпенсионного возраста в принятии решений о трудовой деятельности и выходе на пенсию.

6. Роль образования взрослых

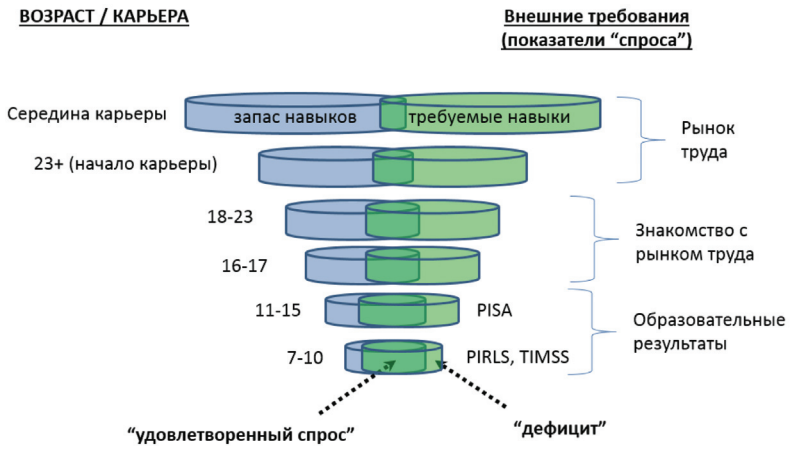
В условиях глобализации экономики знания являются залогом поддержания конкурентоспособности и экономического роста. Ключевым условием для обеспечения процветания страны является хорошо образованная, технически квалифицированная рабочая сила, привлекаемая предприятиями, обладающими управленческим потенциалом для внедрения современных технологий и реализации высокотехнологичных товаров и услуг на местном и глобальном рынках. Для сохранения конкурентоспособности система образования должна предоставлять работникам возможность непрерывно на протяжении трудовой жизни повышать квалификацию. В большинстве стран ОЭСР доля товаров, произведенных с помощью монотонных операций, сократилась (Autor et al. 2003), и в европейских странах с формирующейся экономикой уже отмечается та же тенденция (Arias et al. 2014). Прививание навыков, востребованных экономикой, основанной на знаниях, требует опоры на проблемно-ориентированное обучение и адаптацию обучающих методов с учетом образовательных возможностей индивидуальных учащихся.

Содействие социальной интеграции путем образования взрослого населения может повысить благосостояние российских граждан и смягчить воздействие старения населения на экономический рост. В условиях старения населения и растущей численности низкоквалифицированных работников-мигрантов повышается важность образования и непрерывного обучения взрослых. На смену модели «одноэтапного» образования, при которой большинство выпускников учебного заведения, не соответствующих требованиям учебного заведения следующего уровня, пополняют численность рабочей силы, приходит новая модель, в основе которой лежит принцип непрерывного обучения; он предполагает, что среднее, высшее и профессиональное образование должны в совокупности отвечать требованиям конкурентоспособности.

Дефицит навыков рабочих кадров в России растет в процессе обучения учащихся в рамках образовательной системы и продолжает расширяться по мере того, как они пополняют рынок труда (Рис. 25). Развитие основных когнитивных навыков (умение читать и считать) у учащихся является актуальной задачей начальной школы. В 2006 году по итогам Международного проекта «Исследование качества чтения и понимания текста» (PIRLS) Россия заняла первое место в мире по чтению. Однако качество среднего образования до сих пор не отвечает потребностям инновационной экономики. Несмотря на то что стандартные тесты в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) показывают, что результаты по чтению, математике, естественным наукам в России выше, чем в других странах с аналогичным уровнем доходов на душу населения, они существенно отстают от средних показателей в странах ОЭСР.

По сравнению с другими странами в России отсутствует зависимость между возрастом и базовыми когнитивными навыками. Несмотря на то что у старшего поколения трудоспособного населения отмечаются более низкие показатели грамотности, умения считать и решать проблемы, чем у более молодых групп (Рис. 26), отрицательная зависимость между квалификацией и возрастом не является монотонной, в отличие от других стран (см. пример Польши на Рис. 27). Вероятно, это связано не с эффектом возраста, а с тем, что отдельные группы населения оказались подвержены резким изменениям в российской

Рисунок 25. Разрыв между спросом и предложением навыков по возрастам и уровням образования



Примечание: Сравнительный анализ востребованной квалификации определяется ожидаемыми образовательными достижениями, которые отражаются в международных оценках качества образования и указываются работодателями в обследовании предприятий, проведенном в рамках этого исследования.
Источник: Всемирный банк, 2013.

системе образования и на рынке труда. Так, относительно высокие показатели, отмеченные среди 40-летних россиян, свидетельствуют о качестве среднего и последующего образования в 1980-е годы, когда учащимся прививали общие навыки решения задач — как практических, так и теоретических —во всех областях. С другой стороны, у возрастной группы от 30 до 34 лет период среднего образования которой пришелся на перестройку и создание нового российского государства, набор навыков, возможно, формировался в условиях негативного влияния происходивших в стране преобразований. Какой бы ни была причина, возможно, потребуется разработка адресных программ для когорт, демонстрирующих более низкие показатели.

Рисунок 26. Уровни компетенций по возрастными группам, Россия

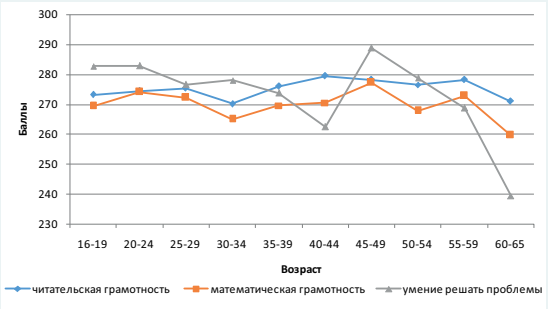
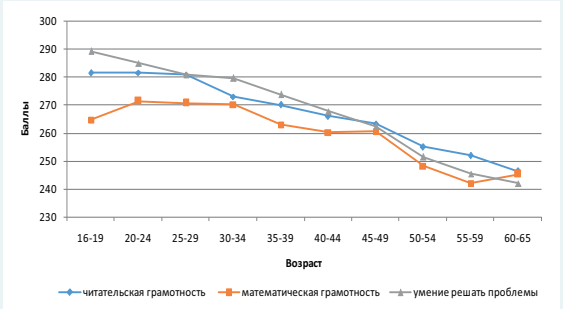


Рисунок 27. Уровни компетенций по возрастными группам, Польша



Примечание: Данные о России носят предварительный характер и могут быть измениться; выборка не включает жителей Москвы и области.

Источник: PIAAC ОЭСР.

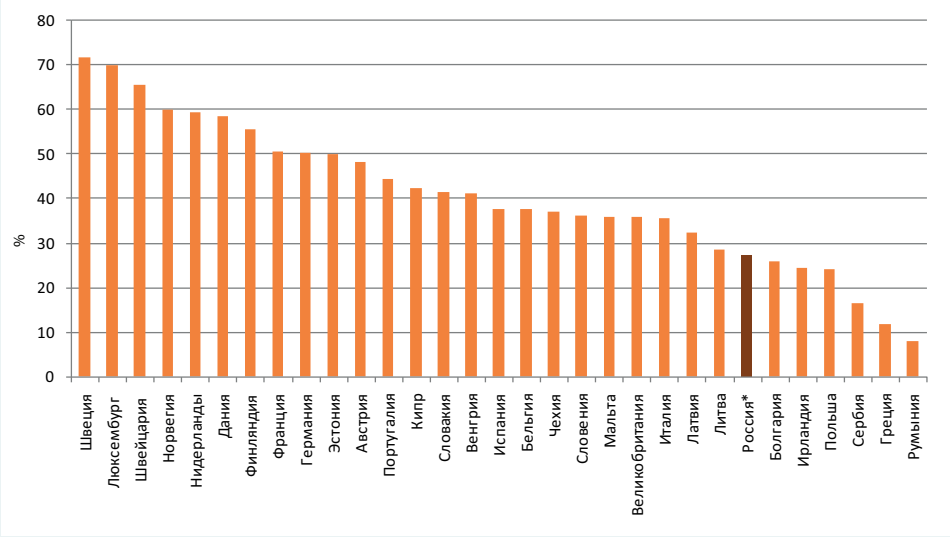
Российское взрослое население демонстрирует низкие результаты обучения без отрыва от производства и использования информационно–коммуникационных технологий (ИКТ). Обучение на работе, включая обучение на производстве, обучение между коллегами, наблюдение или привлечение руководства к улучшению производственных процессов, тесно коррелирует с повышением производительности труда и инновациями. Как показывают результаты Программы международной оценки компетенций взрослого населения PIAAC, российские граждане в расцвете сил и лица более старшего возраста демонстрируют низкие результаты по сравнению со странами ОЭСР по таким показателям, как обучение на работе и использование ИКТ дома и на работе. Более низкий уровень использования ИКТ может привести к снижению производительности и сокращению возможностей для самообразования с помощью технологий дистанционного обучения.

В условиях старения населения образование взрослых приобретает важность для трудоустройства и повышения производительности каждого трудоспособного гражданина. По мере увеличения продолжительности жизни для продления трудовой жизни необходимо будет адаптировать систему образования на всех уровнях. Польза от повышения качества образования в образовательных учреждениях проявится лишь в среднесрочной перспективе по мере взросления учащихся, получивших образование в реформированной системе. С другой стороны, масштабная и эффективная система обучения взрослых, в том числе повышение квалификации и переобучение, может стать вторым шансом для повышения производительности и продления трудовой жизни действующих работников, что позволит им получить выгоды незамедлительно. Более того, то, насколько успешными будут реформы на рынке труда или программы социальной защиты по обеспечению занятости россиян старшего возраста, будет в большой степени зависеть от возможности их трудоустройства, а этого можно добиться с помощью адресных программ образования взрослых.

Сегодня в программах образования взрослых участвует относительно небольшое число россиян, при этом структура участников таких программ меняется. Согласно имеющимся ограниченным данным, 27,3% российского взрослого населения участвует в каких-либо программах образования взрослых (Индикаторы образования 2013) (в 2006 году этот показатель составлял 22,4%), однако эта цифра все еще ниже показателей ряда восточноевропейских стран (Рис. 28). Аналогичным образом, доля взрослого населения, участвующего в дополнительном профессиональном образовании (ДПО), низка по сравнению со странами ОЭСР. Несмотря на то, что охват работоспособного населения образованием в учебных заведениях снизился с 4,5% в 2006 году до 2,7% в 2012 году, доля населения, участвующего в программах ДПО, возросла с 8,0% в 2006 году до 13,5% в 2012 году. Между тем доля населения, выбравшая программы самообучения, повысилась с 17,4% в 2006 году до 24,4% в 2012 году. Это обусловлено развитием он-лайн образования, которое представляет особую важность с учетом обширной территории России.

Доступ к ДПО существенно различается в разрезе регионов, возраста учащихся, их занятости. Численность взрослых работников, участвующих в программах ДПО, варьирует от 11% до 16% по регионам (Росстат 2013). Степень участия резко сокращается по мере приближения к пенсионному возрасту, в то время как самый высокий показатель отмечается среди работников в возрасте от 25 до 39 лет (Рис. 29). Таким образом, несмотря на то что молодым и пожилым работникам, возможно, требуется больше времени для обучения, чтобы повысить или сохранить уровень производительности, они получают наименьшую пользу от ДПО (Рис. 30). Работники с низкой квалификацией менее склонны к получению дополнительного профессионального образования (Высшая школа экономики, 2012). Это может замедлить темпы роста экономики, основанной на знаниях, способствовать рассло-

Рисунок 28. Взрослое население, охваченное формальным и неформальным образованием и обучением, в России и в отдельных сопоставимых странах



** данные по России за 2013 год; данные по другим странам за 2011 год.*
Источник: Россия: Индикаторы образования 2013; другие страны: Обследование программ образования взрослых, проведенное Евростатом в 2011 году.

ению населения по доходам и снижению социальной мобильности. В то время как большинство участников ДПО заняты в обрабатывающих отраслях (24%), образовании (19%) или оказании медицинских или социальных услуг (13%), на долю добывающих отраслей приходится самый высокий процент работников, участвующих в программах ДПО (26%); за ними следует транспорт и связь, коммунальные услуги и обрабатывающая промышленность. На долю работников розничной торговли, сельского хозяйства, рыболовства и гостиничного бизнеса/ресторанов приходится самый низкий процент участия (менее 5% в каждой отрасли). Примерно 90% всех участников программ ДПО прошли обучение по имеющейся специальности (профессиональное развитие), и только 10% участвовали в программах переобучения. Наконец, большинство обучающих программ были относительно короткими (9–37 дней).

Рисунок 29. Участие в программах ДПО в разрезе возрастов, 2013 г.

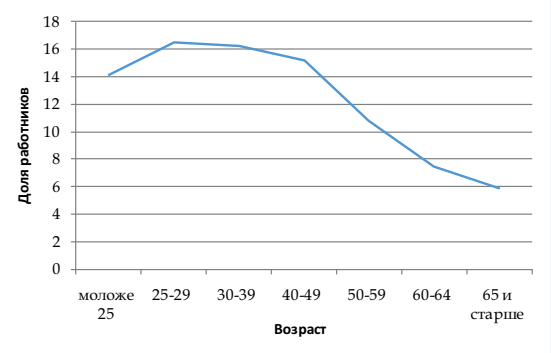
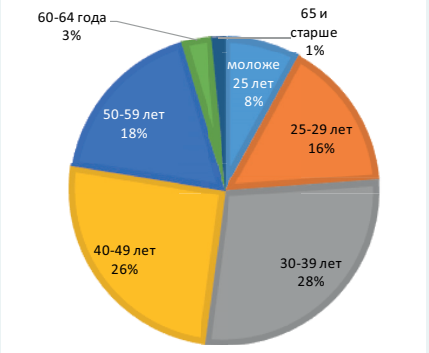


Рисунок 30. Возрастная структура участников ДПО, 2013 г.



Источник: Росстат, 2013 г.

Рынок образовательных услуг для взрослого населения отличается устойчивостью и расширяется. Количество и виды поставщиков услуг, а также их разнообразие существенно возросли. Около 2000 учреждений имеют программы ДПО, а с учетом краткосрочных программ (менее 9 дней) и программ без отрыва от производства, возможно, их численность составляет 3000 (Министерство образования и науки Российской Федерации 2009). За период с 2000 по 2005 годы меры по расширению охвата и участия в таких программах сопровождались удвоением объемов государственного финансирования.

Появился ряд успешных региональных моделей образования взрослых, при этом все больше внимания уделяется обучению социально уязвимых групп населения. Программы ДПО значительно варьируют от региона к региону в зависимости от социально-экономических условий, состояния рынка труда, человеческих ресурсов и спроса на труд. Среди успешных моделей следует отметить программы в Татарстане, которые нацелены на обучение специалистов высокого уровня для нужд нефтехимических и нефтеперерабатывающих предприятий и объединяющих усилия ряда государственных и частных участников. Еще одним примером служит опыт Калуги, где используются партнерства с международными инвесторами. Проводится активная разработка образовательных программ, нацеленных на социально уязвимые слои населения, в том числе на лиц старшего возраста, безработных, мигрантов и демобилизованных из вооруженных сил. Недавно в России появилось множество новых форм обучения, в том числе инновационных, для лиц старшего возраста, что свидетельствует о наличии активного спроса на образовательные программы с их стороны. Кроме того, отмечается поступательное развитие обучения безработного населения, при этом в подобных активных программах на рынке труда участвуют свыше 3000 профессиональных образовательных учреждений. Более того, учитывая значительное число проживающих в России мигрантов из стран бывшего Содружества Независимых Государств (СНГ), разработан ряд инициатив по углублению их интеграции, таких как инициатива по созданию общего образовательного пространства для членов СНГ.

Программам образования взрослого населения присущ ряд недостатков, которые препятствуют расширению их охвата и роста эффективности. В настоящее время в системе образования взрослого населения России отсутствует законодательная база, стратегия финансирования, система подготовки преподавателей и возможность оценки индивидуальных программ или их совокупного воздействия на достижение социальных и экономических целей. Информация о возможностях обучения ограничена – особенно для работодателей и работников малых предприятий. Кроме того, система все еще опирается на традиционные педагогические принципы, которые не учитывают результаты недавних исследований о разнице в восприятии знаний взрослыми и молодыми людьми (Johnson and Taylor 2006 и Maestas and Zissimopoulos 2010 со ссылкой на Schwarz et al. 2014).

В России отсутствует комплексный подход к образованию взрослых. Такой подход должен быть гибким, обеспечивать достаточное финансирование и предусматривать четкие профессиональнее стандарты, системы аккредитации и оценки качества, а также сертификации для обеспечения качества. Следует разработать федеральный закон «Об образовании взрослых» для формирования законодательной основы, регламентирующей образование взрослого населения. В законе может быть предусмотрено финансирование из государственного бюджета и совместные с частным сектором механизмы финансирования, законодательные основы для привлечения образовательных учреждений к обучению взрослых, которые бы соответствовали нормативно-правовым документам других стран. Эти положения могут быть конкретизированы в подзаконных актах и включать такие меры, как: разработка организационных принципов образования взрослых; акцент на подходах, опирающихся на спрос, мониторинг рынков образовательных услуг; проведение исследований (в том числе сбор данных), маркетинга, меры по взаимодействию с общественностью, а также содействие дистанционному обучению.

Требуются дополнительные усилия по разработке соответствующей методологии в области образования взрослых. Эффективное образование взрослого населения основано на теории обучения взрослых или андрагогике – концепции свободного или открытого обучения взрослых, в основе которой лежит принцип непрерывного пожизненного обучения. Андрагогические модели опираются на обучающие и учебные материалы, созданные специально для взрослых с учетом новых достижений нейронауки о состоянии умственных способностей пожилых людей и их социальных и психологических характеристиках. Например, как показывают, по крайней мере, два исследования, пожилые люди обладают бóльшими преимуществами при выполнении (практических) заданий, чем при теоретическом обучении (Mead and Fisk 1998 and Mead et al. 1997 со ссылкой на Charness and Czaja 2006).

Нормативно-правовая база должна устанавливать стандарты для поставщиков обучающих услуг. Для обеспечения качества образования взрослых можно разработать нормативные положения, описывающие ответственность специалистов, занимающихся образованием взрослых, таких как учителя, консультанты, репетиторы, администраторы и управляющие, работники систем информационных услуг и профориентации, а также сотрудники реабилитационных и исправительных учреждений. Подготовка кадров для обучения взрослых может предусматривать систематическое переобучение и программы повышения квалификации, а также постдипломное образование для специалистов разных направлений и уровней в области андрагогики.

Информационно-разъяснительные кампании и финансовые стимулы могут повысить спрос на образование взрослых. Проведение регулярных общественных и социальных мероприятий может способствовать распространению идей образования взрослого населения, непрерывного обучения и личностного развития на протяжении жизни. Повышение роли государства (федеральных, региональных и местных органов власти), частных компаний, государственных организаций и частных лиц, проводящих социальные и государственные мероприятия, может способствовать развитию образования для взрослых, в том числе путем создания социальных партнерств. Индивидуальные потребности также можно поощрять в виде финансовых стимулов, таких как налоговые вычеты или оплачиваемый отпуск для получения образования, наряду с кредитами/грантами или ваучерами на учебу (UNESCO Institute for Lifelong Learning 2009). Право на такие стимулы может быть универсальным или предоставляться целевым группам, которые недостаточно охвачены услугами образования взрослых, как это делается в Швеции. Стимулы, ориентированные на спрос, такие как ваучеры на обучение, предоставляемые в Австрии и Германии, мотивируют граждан к активному участию и развитию конкуренции среди поставщиков таких услуг (UNESCO Institute for Lifelong Learning 2009).

Государству следует поощрять более активное вовлечение частного сектора в образование взрослых. Опыт многих стран показывает, что государственно-частные партнерства могут повысить эффективность образования взрослых. Ассоциации работодателей могут сформулировать стандарты профессиональной квалификации, отвечающие требованиям соответствующего рынка труда. Государство может привлекать работодателей для мониторинга качества образовательных услуг к формированию и утверждению квалификационных требований (профессиональных компетенций) таким образом, чтобы обучение больше соответствовало нуждам предприятий. Государство приняло план разработки 800 профессиональных стандартов. Что касается малых и средних предприятий, то государство может содействовать привлечению инвестиций в обучение путем создания инфраструктуры отраслевых обучающих программ, как то делается в Италии и Австралии, и предоставления механизмов софинансирования (UNESCO Institute for Lifelong Learning 2009). Еще одним примером является опыт Франции и Венгрии, где введены сборы за обучение, средства от которых могут быть использованы для создания национального обучающего фонда или для финансирования обучения на предприятиях, уплачивающих такие сборы (UNESCO Institute for Lifelong Learning 2009).

7. Заключение

Время не ждет. Стратегические реформы, нацеленные на повышение производительности труда и уровня экономической занятости населения, обеспечивают экономию государственных средств, облегчают выбор между работой и семьей для женщин, повышают качество услуг здравоохранения и выбор образа жизни, создают современную и более комплексную систему образования взрослых, которая может помочь избежать потенциально негативных последствий старения населения для экономического роста и благосостояния. В то же время, для того чтобы стратегические изменения оказали заметное влияние в течение следующих нескольких десятилетий, они должны быть проведены немедленно. Так, по мере увеличения доли пожилого населения переход от распределительной к накопительной пенсионной системе становится более затратным и политически более трудным решением. Более того, для того чтобы многие решения, связанные с изменением образа жизни, оказали эффект, требуется немало времени. Так, повышение рождаемости для увлечения численности трудоспособного населения займет 18 лет. Для обеспечения более здорового образа жизни через 30-40 лет, работникам молодого возраста следует сейчас отказаться от курения и употребления спиртных напитков. Как подчеркивается во вступлении, возможно, старение населения не повлияет на характер политики по улучшению благосостояния, но оно бесспорно придает неотложный характер программе реформ.

Бояться нечего, кроме бездействия. Старение населения не является ни неконтролируемым стихийным бедствием, ни проблемой, которая разрешится сама собой. Старение может происходить на фоне продолжительной, благополучной и счастливой жизни, но оно неотвратимо. Для решения проблем, связанных со старением населения, необходимо изменить модели поведения человека и предприятий под воздействием рыночных сил. Однако изменение структуры стимулов и институциональной среды для продления трудовой жизни, повышения уровня рождаемости и роста производительности под силу только государству. Есть надежда, что российское правительство проведет непростые реформы, необходимые для достижения этих целей.

Предстоит еще многое узнать. В подготовке этой публикации большую роль сыграли научные достижения и развитие источников данных – особенно усилия по улучшению охвата исследований. Тем не менее, по вопросам, которые представляют важность для понимания влияния старения населения, информация отсутствует или ее недостаточно. Например, оценка услуг по поддержке семей, детальные демографические данные (в том числе распределение новорожденных детей по очередности рождения, количество детей в семьях, где родители разведены, и данные о вступающих в брак или разведенных родителях), а также информация об охвате и эффективности программ образования взрослого населения. Более того, как указано в начале публикации, некоторые аспекты многоплановой и комплексной программы мероприятий в области старения населения, в том числе такие, как реформа здравоохранения и миграционная политика, в данной работе не затрагивались, но в будущем они заслуживают рассмотрения через призму демографических тенденций, аналогично подходу, использованному в данном докладе.

Библиография

Высшая Школа Экономики (2012). Мониторинг экономики образования. http://memo.hse.ru/ind.

Индикаторы образования (2013). Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральная служба государственной статистики, Высшая Школа Экономики «Индикаторы образования: 2013.» Статистический сборник: http://www.hse.ru/primarydata/io2013.

Максимова Тамара (2014). "Состояние здоровья, занятость и медицинское и социальной обеспечение населения пенсионного возраста". Справочный документа по заказу Всемирного банка.

Министерство образования и науки Российской Федерации (2009). www.минобрнауки.рф

Росстат (2013). «Дополнительное профессиональное образование работников в организациях в 2013 г.»http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/bbd2da8043f81ba38a78cbd92111eac8.

Adserà, A. (2011). "The interplay of employment uncertainty and education in explaining second births in Europe." *Demographic research* 25(16): 513-44.

Arias, O., C. Sánchez-Paramo, M. Davalos, I. Santos, E. Tiongson, C. Gruen, N. de Andrade Falcao, G. Saiovici, and C. Cancho (2014). *Back to Work: Growing with Jobs in Europe and Central Asia. Europe and Central Asia Reports*. Washington, DC: The World Bank.

Autor, D., F. Levy, and R. Murnane (2003). "The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration." *Quarterly Journal of Economics* 118(4): 1279-333.

Baizán, P. (2009). "Regional child care availability and fertility decisions in Spain." *Demographic research* 21(27): 803-42.

Bauernschuster, S., T. Hener, and H. Rainer (2013). "Does Expanding Public Child Care Encourage Fertility? County-Level Evidence from Germany." Ifo Working Paper 158.

Billari, F. (2008). "Lowest-low fertility in Europe: exploring the causes and finding some surprises." *The Japanese Journal of Population* 6(1): 2-18.

Bloom, D.E., and J.E. Finlay (2009). "Demographic Change and Economic Growth in Asia." *Asian Economic Policy Review* 4(1) June 2009.

Bourguignon F. (2015). "Appraising income inequality databases in Latin America." *The Journal of Economic Inequality* August 2015.

Bussolo, M., J. Koettl, and E. Sinnott (2015). *Golden Aging: Prospects for Healthy, Active, and Prosperous Aging in Europe and Central Asia*. Washington, DC: The World Bank.

Cazes, S. and A. Nesporova (2003). *Labour markets in transition: balancing flexibility and security in Central and Eastern Europe.* ILO: Geneva.

Charness, N., and S.J. Czaja (2006). "Older Worker Training: What we know and don't know." AARP Public Policy Institute Report 2006-22.

Deaton, A. (2005a). "Franco Modigliani and the life-cycle theory of consumption." *BNL Quarterly Review* LVIII (233-234): 91-107.

Deaton, A. (2005b). "Measuring poverty in a growing world (or measuring growth in a poor world)." *Review of Economics and Statistics* 87(1): 1-19.

Deaton, A. S., and Paxson, C. (2000). "Intertemporal Choice and Inequality." *Journal of Political Economy* 102(3): 437-67.

Del Boca, D., R. Aaberge, U. Colombino, J. Ermisch, M. Francesconi, S. Pasqua, and St. Strøm (2003). "Labour Market Participation of Women and Fertility: the Effect of Social Policies." Paper presented at FRDB Child Conference, Alghero.

Frejka T. (2008). "Parity distribution and completed family size in Europe. Incipient decline of the two-child family model." *Demographic research* 19: 47-72.

Gale, W. G., J.Sabelhaus, and R. E. Hall (1999). "Perspectives on the household saving rate." Brookings Papers on Economic Activity: 181-224.

Georgellis, Y. and H. J. Wall (1992). "The fertility effect of dependent tax exemptions: estimates for the United States." 24(10): 1139-45.

Gerber, T., and J. Radl (2014). "Pushed, pulled, or blocked? The elderly and the labor market in post-Soviet Russia." *Social Science Research* 45: 152-69.

Goryunov, E., M. Kazakova, L. Kotlikoff, A. Mamedov, K. Nesterova, V. Nazarov, E. Grishina, P. Trunin, and A. Shpenev (2013). «Russia's Fiscal Gap.» NBER Working Paper 19608.

Greulich, A., O. Thévenon and M. Guergoat-Larivière (2014). "Starting or enlarging families? The determinants of low fertility in Europe." Research Report, The World Bank.

Huang, J.-T. (2002). "Personal Tax Exemption: The Effect on Fertility in Taiwan." *Developing Economies* 40: 32–48

IMF (2012). "Russian Federation: Selected Issues." IMF Country Report No. 12/218. Washington, DC: The International Monetary Fund.

Johnson, S., and K. Taylor, eds. (2006). The Neuroscience of Adult Learning. New Directions for Adult and Continuing Education, no. 110. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Kelley, A. C., and R. M. Schmidt (2005). "Evolution of Recent Economic-Demographic Modeling: A Synthesis." *Journal of Population Economics* 18: 275–300.

Kolev, A., and A. Pascal (2002). "What Keeps Pensioners at Work in Russia: Evidence from Household Panel Data." *Economics of Transition* 10(1): 29-53.

Levin, V. (2015). "Promoting Active Aging in Russia: Working Longer and More Productively." World Bank Policy Note.

Lustig, N., and S. Higgins (2013). "Commitment to Equity Assessment (CEQ): Estimating the incidence of social spending, subsidies and taxes. Handbook."

Maestas, N., and J. Zissimopoulos (2010). "How Longer Work Lives Ease the Crunch of Population Aging." *Journal of Economic Perspectives* 24(1): 139–60.

Modigliani, F. and R. H. Brumberg (1954). "Utility analysis and the consumption function: an interpretation of cross-section data." In K. K. Kuriana (ed.) *Post-Keynesian Economics* (New Brunswick: Rutgers University Press) pp. 388-436.

OECD (2011). "OECD Reviews of Labour Market and Social Policies: Russian Federation." Paris: OECD.

OECD (2014). *Society at a Glance*. Paris: OECD.

Ravallion, M. (2003). "Measuring aggregate welfare in developing countries: How well do national accounts and surveys agree?" *Review of Economics and Statistics* 85(3): 645-52.

Ronsen, M. (2004). "Fertility and family policy in Norway – A reflection on trends and possible connections." *Demographic Research* 10: 265-86.

Schwarz, A., O. Arias, A. Zviniene, H.P. Rudolph, S. Eckardt, J. Koettl, H. Immervoll, and M. Abels (2014). *The Inverting Pyramid: Pension Systems Facing Demographic Challenges in Europe and Central Asia*. Europe and Central Asia Reports. Washington, DC: The World Bank.

Tchetvernina, T., A. Moskovskaya, I. Soboleva, and M. Stepantchikova (2001). "Labor market flexibility, employment and social security: Russian Federation." Employment Papers Series 31. ILO: Geneva.

Thevenon, O. (2011). "Family policies in OECD countries: A comparative analysis." *Population and Development Review* 37(1): 57-87.

UN (2009). "System of national accounts 2008".

UNESCO Institute for Lifelong Learning (2009). *Global Report on Adult Learning and Education*. Hamburg, Germany: UNESCO Institute for Lifelong Learning.

Wang, F., and A. Mason (2008). "The Demographic Factor in China's Transition." In L. Brandt and T. Rawski (eds.) *China's Great Economic Transformation*. (Cambridge, UK: Cambridge University Press): 136–66.

World Bank (2014). "Russian Federation: Country Gender Profile." Report No: 58819-RU.

Zhang, J., J. Quan, and P. van Meerbergen (1994). "The Effect of Tax-Transfer Policies on Fertility in Canada, 1921-88." *The Journal of Human Resources* 29(1): 181-201.

ВСЕМИРНЫЙ БАНК
МБРР • МАР | ГРУППА ВСЕМИРНОГО БАНКА